ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ

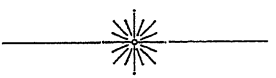
РОССІИ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

КЪ

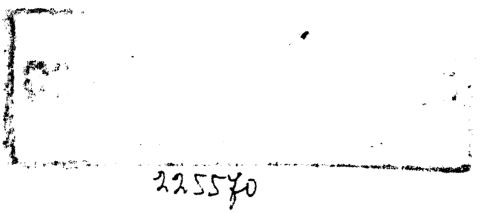
РУССКИМЪ ПУБЛИЦИСТАМЪ

ПОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА.



ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. КАСПРОВИЧЪ.

1896.



2 ...
П
225570

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Вступленіе 1

I. Въ чемъ состоитъ польскій вопросъ въ Россіи? 7

II. Дѣйствительно ли русскіе и поляки исконные враги? 13

III. Подъ какими вліяніями образовался характеръ польской народности? 22

IV. Участіе Россіи въ раздѣлахъ Польши 29

V. Польско-русскія отношенія послѣ раздѣла Польши 35

VI. Почему до сихъ поръ не разрѣшенъ польскій вопросъ въ Россіи? 60

VII. Способъ разрѣшенія польскаго вопроса въ Россіи 84

Милостивые Государи!

Назначеніе въ Декабрѣ 1894 г. новаго Генералъ Губернатора въ краѣ, неразрывно соединенномъ въ 1815 г. съ Россійской Имперіей подъ названіемъ Царства Польскаго и вплоть до 1863 г. имѣвшемъ свое собственное, отдѣльное отъ общегосударственнаго, управленіе, вызвало въ русской періодической печати цѣлый рядъ статей и корреспонденцій о «польскомъ вопросѣ въ Россіи».

«Биржевыя Вѣдомости», «Вѣстникъ Европы», «Гражданинъ», «Московскія Вѣдомости», «Новое Время», «Новости», «С. Петербургскія Вѣдомости», «Свѣтъ», «Сѣверный Вѣстникъ», «Сынъ Отечества» и др. представляли этотъ вопросъ еще неурегулированнымъ надлежащимъ образомъ и требующимъ поэтому особеннаго вниманія и попеченія со стороны правительства. При этомъ намѣреніемъ авторовъ этихъ статей и корреспонденцій было не просто констатировать фактъ, но и указать средства, по ихъ мнѣнію самыя подходящія для удовлетворительнаго и окончательнаго рѣшенія этого вопроса.

Почти всѣ періодическія, занимающіяся политикой, польскія изданія и въ Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ, помѣстили на своихъ столбцахъ переводы этихъ статей и корреспонденцій или выдержки изъ нихъ, что доказываетъ, что и польское общество не осталось равнодушнымъ къ «вопросу», которымъ заинтересовалась русская пресса. Нѣкоторыя изъ этихъ изданій взяли на себя трудъ исправить ошибочныя данныя русскихъ газетъ, но ни одно не отвѣтило до сихъ поръ на эти статьи, ни одобрительно, — изъ чего ясно, что польское общество не раздѣляетъ мнѣній, высказываемыхъ русскими публицистами: ни въ полемическомъ духѣ, что объясняется цензурными затрудненіями.

Печатали-ли что либо по этому поводу польскіе заграничные органы, — мнѣ неизвѣстно, такъ какъ живя въ предѣлахъ Царства Польскаго, я не получаю этихъ газетъ и не читаю ихъ. Если однако органы эти высказали свое мнѣніе о воззрѣніяхъ на этотъ счетъ русскихъ публицистовъ и прибавили кое-что отъ себя, то на урегулированіе надлежащимъ образомъ разсматриваемаго вопроса, это вліянія имѣть не можетъ, такъ какъ для этого необходимо, чтобы намѣченная цѣль подходила къ интересамъ Россіи, а средства, предназначенныя для достиженія этой цѣли, согласовались бы и съ принципами русскаго Правительства и съ характеромъ Польскаго элемента въ Россіи. Между тѣмъ заграничные польскіе публицисты слишкомъ мало ознакомлены съ интересами Россіи и съ принципами русскаго Правительства, чтобы при наилучшихъ даже желаніяхъ съ пользою трактовать объ этомъ вопросѣ.

Да и русскіе публицисты врядъ ли на много компетентнѣе польскихъ закордонныхъ корреспондентовъ въ выполненіи съ пользою столь важной въ этомъ дѣлѣ задачи періодической прессы — выяснить, что слѣдовало бы сдѣлать для разрѣшенія надлежащимъ образомъ этого вопроса. Коренному русскому, поселившемуся въ прежнихъ польскихъ провинціяхъ, не легко въ короткое время оріентироваться въ настроеніяхъ, нуждахъ,

идеалахъ и вообще въ характерѣ ихъ населенія, сложившемся не только подъ вліяніемъ экономическихъ условій, которыя можно выразить статистическими данными, но также подъ вліяніемъ традицій и многовѣковой исторіи, столь отличавшейся отъ исторіи Россіи. Эти настроенія и нужды поляковъ тѣмъ болѣе неизвѣстны русскимъ, которые никогда не жили въ прежнихъ польскихъ провинціяхъ.

Между тѣмъ при эволюціонномъ процессѣ въ духовномъ мірѣ человѣка, какъ и въ медицинѣ, необходимо прежде всего ознакомиться съ натурою субъектовъ, къ которымъ должны быть примѣнены средства, наиболѣе подходящія, чтобы этотъ эволюціонный процессъ довести до желаемаго конца, иначе примѣненіе средствъ, несоотвѣтствующихъ ихъ характеру, не только не приноситъ пользы, но, напротивъ, служитъ зачастую причиной усиленія болѣзни.

Итакъ, Милостивые Государи, если Вы дѣйствительно желаете указать средства для разрѣшенія «польскаго вопроса въ Россіи», въ смыслѣ ли полнаго искорененія польскаго элемента, чему въ исторіи культурныхъ народовъ трудно подыскать примѣръ, или же имѣя въ виду благоденствіе поляковъ, — чего должны были бы желать всѣ благоразумные славянофилы, Вы не должны останавливаться на изслѣдованіи только интересовъ одной Россіи въ этомъ «вопросѣ». Вамъ необходимо ознакомиться также съ другою стороною этого «вопроса», съ характеромъ поляковъ.

Говоря объ этой другой сторонѣ вопроса, я не имѣю вовсе намѣренія утверждать, что Россія и ея правительство съ одной стороны и русскіе подданные польскаго происхожденія съ другой представляютъ равносильные факторы. Безъ взаимнаго однако воздѣйствія ни та, ни другая сторона не останется. Вѣдь въ стройной системѣ небесныхъ свѣтилъ наименьшіе даже спутники и астероиды оказываютъ вліяніе вслѣдствіе силы тяготѣнія на движеніе солнца и наибольшихъ звѣздъ.

Узнать же характеръ поляковъ, Господа, Вы можете только, изучая ихъ самихъ, и прислушиваясь при этомъ къ тому, что они сами говорятъ о себѣ и о своемъ отношеніи къ Россіи.

Едва ли можно требовать, чтобы въ томъ, что поляки говорятъ о своемъ отношеніи къ Россіи, не слышалось звуковъ скорби объ утратѣ прежней независимости и сожалѣнія по поводу испытанныхъ разочарованій и горькой ихъ участи. Подъ вліяніемъ этихъ внолнѣ естественныхъ чувствъ, поляки живущіе и пишущіе заграницею доходятъ иногда до слишкомъ рѣзкихъ выходокъ, которыя могутъ только раздражать русское общество. Болѣе осторожные и живущіе въ Россіи по неволѣ молчатъ, но такое поголовное молчаніе кажется мнѣ вреднымъ ибо «qui tacet consentire videtur». Между тѣмъ трудно соглашаться съ положеніемъ, при которомъ мы, поляки, несомнѣнно страдаемъ и которое и русскому повидимому представляется не нормальнымъ, коль скоро представители и руководители русскаго общественнаго мнѣнія трактуютъ до сихъ поръ о необходимости его измѣненія. Тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь обратиться къ Вамъ, Господа, съ настоящимъ письмомъ по слѣдующимъ причинамъ.

Проживая по очереди во всѣхъ почти частяхъ бывшей Польши, я имѣлъ бо́льшую, чѣмъ другіе мои соотчественники, возможность узнать настроеніе и нужды ея населенія; происходя же изъ древняго польскаго дворянскаго рода, который постоянно доставлялъ и своему отечеству и католической церкви вѣрныхъ и дѣятельныхъ слугъ, я могу имѣть надежду, что все мною сказанное можетъ считаться выраженіемъ убѣжденій и чувствъ той части польскаго общества, которую нѣкоторые изъ Васъ, Господа, часто обвиняютъ въ шляхетско-клерикальныхъ интригахъ. Прожившъ до зрѣлаго возраста вмѣстѣ съ моимъ дѣдомъ, который отлично помнилъ избраніе и коронованіе короля польскаго Станислава Августа, а во времена Рѣчи Посполитой и Варшавскаго герцогства занималъ высокіе посты, я, такимъ образомъ, почерпалъ изъ живаго источника

и изъ первыхъ рукъ ту традицію, которая вліяла на образованіе и развитіе убѣжденій, чувствъ и идеаловъ всѣхъ моихъ соплеменниковъ; я могу, поэтому, выразить надежду, что никто меня не упрекнетъ въ томъ, что я что либо забылъ, хотя съ другой стороны я можетъ быть чему нибудь да научился. Наконецъ, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, я не могу изъ того, что мнѣ предстоитъ сказать, ни извлечь личной выгоды, ни понести какого либо ущерба, сыновьямъ же своимъ я хотѣлъ бы оставить имя, нескомпромитированное передъ правительствомъ, но въ то же время и незапятнанное въ глазахъ ихъ соотечественниковъ. Слова мои могутъ, поэтому, считаться правдивыми.

Я обращаюсь съ настоящимъ письмомъ именно къ Вамъ, Господа, потому что оно до нѣкоторой степени служитъ отвѣтомъ на вышеупомянутыя статьи и корреспонденціи, а главнымъ образомъ для того, чтобы дать Вамъ, Милостивые Государи, доказательства моего глубокаго уваженія къ высокому и почетному положенію, которое занимаютъ представители и руководители общественнаго мнѣнія, служа добросовѣстно «могуществу и славѣ» своего отечества и «счастію» своихъ единоплеменниковъ. Я не отвѣчаю той невмѣняемой части прессы, которая, не смотря на вредные результаты своей системы, продолжаетъ не только при перемѣнѣ Царствованія, но даже при всякомъ измѣненіи въ составѣ подлежащаго Министерства, послѣдовательную кампанію противъ лишенныхъ всякой защиты русскихъ подданныхъ поляковъ, противъ всего, что дорого каждому изъ нихъ, какъ честному гражданину, приписывая сему зажанному и тѣмъ не менѣе спокойному и трудолюбивому народу всякія несбыточныя мысли, выдуманныя козни, мнимыя противодѣйствія, кампанію, которая переходитъ въ безнаказанную травлю. Разъ авторы сознаютъ, что ихъ ограждаетъ цензура отъ самаго скромнаго возраженія, разъ они способны забыть не только добропорядочность въ обращеніи съ публичнымъ словомъ, но и народную мудрость, гла-

сящую, что лежачаго не бьютъ и что повинной головы мечъ не сѣчетъ.

Я издаю это именно заграницею, такъ какъ въ Имперіи цензура печатать его не разрѣшила. Наконецъ, я надѣюсь, что Вы Господа не поставите мнѣ въ вину неправильные обороты русскаго языка, которые могутъ встрѣтиться въ этомъ моемъ письмѣ и захотите принять во вниманіе, что я принадлежу къ поколѣнію, котораго съ молоду не учили русскому языку, и которое въ зрѣломъ возрастѣ еще не нуждалось въ его употребленіи.

I.

Въ чемъ состоитъ Польскій вопросъ въ Россіи?

Въ чемъ состоитъ польскій вопросъ въ Россіи и каковы интересы Россіи въ этомъ вопросѣ? — На этотъ вопросъ надлежитъ дать точно и правильно сформулированный отвѣтъ, прежде чѣмъ отыскивать надлежащія средства къ его рѣшенію. Между тѣмъ на вопросъ этотъ еще не было дано такого точнаго и правильнаго отвѣта, ибо въ противномъ случаѣ, въ теченіе 100 лѣтъ существованія русско-польскихъ отношеній, государственные люди Россіи нашли бы средства къ успѣшному его рѣшенію. Повидимому же, онъ до сихъ поръ остается открытымъ, если Вы, Милостивые Государи, о немъ пишете. И средства къ его разрѣшенію очевидно еще не найдены, если Вы, Господа, высказываете въ этомъ отношеніи далеко не одинаковыя мнѣнія.

Исходною точкою разрѣшенія польскаго вопроса въ Россіи, по моему мнѣнію, должно служить соображеніе о томъ, чтобы польскій элементъ, введенный въ составъ Русской Имперіи, вслѣдствіе раздѣла Польши и событій, предшествующихъ 1815 г.,

содѣйствовалъ увеличенію, какъ «могущества и славы Россіи», такъ равно и «счастія» всѣхъ вѣрноподданныхъ Царствующихъ въ ней ИМПЕРАТОРОВЪ.

Эта «слава», это «могущество», это «счастіе» составляютъ тѣ цѣли, которыя предначертываютъ себѣ Русскіе Самодержцы при вступленіи на престолъ, и все въ Россіи должно содѣйствовать Русскимъ ИМПЕРАТОРАМЪ въ достиженіи намѣчаемыхъ ИМИ столь возвышенныхъ и благородныхъ цѣлей. Польскій элементъ, введенный въ составъ Русскаго Государства, долженъ стремиться къ тому же, какъ и всѣ прочія составныя части Имперіи. Ничего другого, какъ мнѣ кажется, Россія отъ этого элемента ни требовать ни ожидать не можетъ и никакихъ другихъ интересовъ въ этомъ «польскомъ вопросѣ» она не имѣетъ.

Но какъ достигнуть того, чтобы польскій элементъ служилъ къ пріумноженію «могущества и славы Россіи» и «счастья» вѣрноподданныхъ ея ГОСУДАРЕЙ? Древніе языческіе народы старались изобразить торжество побѣды, привязывая государей и князей побѣжденныхъ, и порабощенныхъ племенъ къ тріумфальнымъ колесницамъ своихъ полководцевъ. Хуже язычниковъ, [можетъ быть] поступали бы [нѣкоторые] христіанскіе народы, стараясь упрочить свое могущество истребленіемъ побѣжденныхъ племенъ. Такихъ двухъ способовъ разрѣшенія польскаго вопроса въ Россіи я разбирать не стану, ибо тогда само собою инстинктъ самосохраненія побудилъ бы поляковъ къ борьбѣ за существованіе съ господствующимъ надъ ними народомъ, а это въ свою очередь не разрѣшило бы удовлетворительнымъ образомъ разсматриваемый мною вопросъ. Во всякомъ случаѣ это не моглобы дать полякамъ, русскимъ подданнымъ, счастія. Счастье же всѣхъ вѣрноподданныхъ составляетъ ту цѣль, какую Русскіе монархи себѣ предначертываютъ и оно есть величайшее торжество Государей и залогъ безконечнаго ихъ могущества.

Желая разсматривать польскій вопросъ въ Россіи съ этой

точки зрѣнія, нужно отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое есть польскій элементъ, вошедшій въ составъ Россійской Имперіи.

Вслѣдствіе трехъ раздѣловъ Польши въ концѣ XVIII вѣка къ Россіи были присоединены провинціи, въ настоящее время составляющія девять губерній, называемыхъ западными. Затѣмъ вслѣдствіе историческихъ событій, предшествующихъ Вѣнскому конгрессу 1815 г., съ Россіею неразрывно соединенъ край, называемый Царствомъ Польскимъ и занимающій десять губерній, именуемыхъ нынѣ привислянскими. Населенія въ этихъ девятнадцати губерніяхъ въ настоящее время насчитывается свыше двадцати пяти милліоновъ, что составляетъ около $^1/_5$-ой народонаселенія всего Россійскаго Государства.

Въ этнографическомъ отношеніи населеніе этихъ провинцій состоитъ не исключительно изъ поляковъ. Напротивъ, за исключеніемъ прежняго Бѣлостоцкаго Округа, большинство населенія девяти западныхъ губерній, а также юговосточной части Царства Польскаго, нынѣ часто называемой Холмскимъ Забужьемъ и значительной части Сувальской губерніи-происхожденія Жмудскаго, Литовскаго, Бѣлорусскаго и Малорусскаго и до сихъ поръ сохранило свой національный характеръ. Жмудзины и Литовцы, два родственныя племена, не были ни польскаго ни русскаго происхожденія. Бѣлоруссы и малороссы этнографически, быть можетъ, болѣе приближаются къ великороссамъ, отчасти вслѣдствіе многовѣковаго правленія Рюриковичей, отчасти же вслѣдствіе принадлежанія ихъ къ Восточной церкви; въ культурномъ однако отношеніи они болѣе близки къ полякамъ, чему доказательствомъ служитъ, напр. строй крестьянской земельной собственности, общинной въ губерніяхъ великорусскихъ и частной въ прежнихъ провинціяхъ польскихъ.

Во всякомъ случаѣ, хотя просвѣщенная часть населенія провинцій, составляющихъ нынѣ 19 губерній и не вся была чисто польскаго происхожденія, однакоже въ моментъ присоединенія этихъ провинцій въ Россіи, она была уже, и до

сихъ поръ еще остается въ преобладающей части (совершенно) польской. Въ составъ этой просвѣщенной части населенія входила не только прежняя польская, литовская и русинская шляхта, но всѣ, кто въ этомъ краѣ возвышался по своему образованію надъ простымъ народомъ — изъ мѣщанъ, изъ простонародья, или же изъ духовенства восточнаго обряда; политическій же характеръ каждой странѣ придается именно образованнымъ классомъ ея жителей.

Всѣ прежнія польскія провинціи въ моментъ присоединенія ихъ къ Россійской Имперіи по просвѣщенію стояли выше великороссійскихъ, поэтому образованная часть населенія въ первыхъ была сравнительно значительнѣе, чѣмъ въ послѣднихъ. Въ теченіе ста лѣтъ, протекшихъ съ того времени, просвѣщеніе шло, быть можетъ, сравнительно болѣе быстрыми шагами въ искони русскихъ губерніяхъ, чѣмъ въ прежнихъ польскихъ, присоединенныхъ къ Россіи. Тѣмъ не менѣе эти послѣднія до сихъ поръ не сошли по отношенію умственнаго развитія на степенъ низшую отъ великороссійскихъ губерній, и поэтому допуская, что онѣ въ настоящее время находятся на одинаковой степени просвѣщенія, нельзя не согласиться, что всетаки образованная часть русскихъ подданныхъ польскаго происхожденія составляетъ до сихъ поръ около $^1/_5$ части просвѣщеннаго населенія Имперіи.

Если я нѣсколько подчеркнулъ разницу, которая существуетъ между вошедшими въ составъ Россіи польскими элементами, этнографическомъ и образованнымъ, то не потому, чтобы я думалъ, что потребности и чувства народа чисто польскаго въ этнографическомъ отношеніи, и всякаго другаго, живущаго въ прежнихъ провинціяхъ Рѣчи Посполитой, должны отличаться отъ потребностей и чувствъ просвѣщенныхъ классовъ польскаго общества, но потому, что Вы, Милостивые Государи, сами часто указываете на эту разницу и нѣкоторые изъ Васъ утверждаютъ, что элементъ этнографическій, не польскій въ этихъ 19 губерніяхъ, есть чисто русскій; что даже народъ

безусловно польскій, — не вреденъ для Россіи; но что именно враждебной государству является вся просвѣщенная часть польскаго народа.

Въ чемъ же однако эти три части населенія 19 губерній, такъ сильно между собою разнятся, что одна изъ нихъ является пригодной для славы и могущества Россіи, другая равнодушной, а третья враждебной? Разница между этими частями населенія такая уже, какая существуетъ между простымъ народомъ и просвѣщеннымъ классомъ общества во всѣхъ странахъ на свѣтѣ, не исключая и Россіи. Ее составляютъ не разнородность ихъ матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей, но различная степень сознаванія и пониманія этихъ потребностей. Всѣ люди для своего существованія требуютъ одинаковаго количества питательныхъ веществъ и всѣ предпочитаютъ куску сухаго хлѣба болѣе изысканную пищу, а между тѣмъ одни и при томъ большинство, имѣя насущный хлѣбъ, довольствуются имъ спокойно и благодарятъ за него Господа Бога; другіе же, принужденные ѣсть черствый хлѣбъ считаютъ себя несчастными. Сфера нравственныхъ потребностей простаго народа почти совсѣмъ бываетъ заполнена, если онъ чувствуетъ себя въ безопасности и можетъ спокойно поживать плоды своихъ трудовъ; просвѣщенная же часть общества какъ польскаго, такъ и русскаго, такъ и всякаго другого народа имѣетъ весьма большія и разнородныя нравственныя нужды. Но люди не просвѣщенные, по мѣрѣ образованія, начинаютъ чувствовать необходимость въ тѣхъ же самыхъ матеріальныхъ и нравственныхъ потребностяхъ, которыя другіе вынесли уже изъ подъ родительскаго крова, и люди даже другаго происхожденія и воспитанные въ другихъ традиціяхъ, пребывая нѣкоторое время въ тѣхъ же, какъ и мѣстное населеніе, условіяхъ, начинаютъ ощущать одинаковыя съ нимъ матеріальныя и нравственныя потребности. Дѣйствительно, всѣ русскіе, живущіе въ предѣлахъ западнаго края и привислянскихъ губерній, не по административной надобности, а по своимъ личнымъ дѣламъ, если

не въ первомъ, то во второмъ поколѣніи, проникаются тѣми же самыми принципами и ощущаютъ тѣже потребности, какъ и мѣстное населеніе, почему иногда и вызываютъ упрекъ, что они ополячиваются.

Нѣкоторыя изъ этихъ нравственныхъ нуждъ входятъ въ кругъ общественно-государственныхъ интересовъ и тогда онѣ носятъ политическій характеръ. Эти политическія потребности иногда бываютъ результатомъ господствующихъ идей, но по большей части онѣ являются слѣдствіемъ дѣйствительныхъ мѣстныхъ нуждъ и состоянія умовъ, выработаннаго не при помощи опредѣленныхъ предписаній и распоряженій, но исподволь, подъ впечатлѣніемъ, какое производили въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, одна за другою, слѣдующія пертурбаціи на современное поколѣніе, завѣщавшее сынамъ и внукамъ свои надежды и идеалы, симпатіи и антипатіи. Текущія событія представляютъ только дальнѣйшее продолженіе историческаго процесса. Онѣ несомнѣнно вліяютъ на измѣненіе направленія человѣческихъ умовъ, но не могутъ сразу передѣлать натуру, унаслѣдованную отъ предковъ и сложившуюся подъ вліяніемъ вѣковыхъ, съ дѣтства воспринятыхъ традицій.

Итакъ, въ виду всего этого, можетъ ли польскій народъ, его политическія и нравственныя потребности, направленіе его ума, его идеалы, въ которыхъ болѣе или менѣе образованные классы общества могутъ дать себѣ отчетъ, а непросвѣщенные не умѣютъ — можетъ ли это все не только примириться, но даже содѣйствовать «славѣ и могуществу Россіи» и «счастью» — не говорю уже всѣхъ подданныхъ, а лишь спеціально великороссовъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо уяснить себѣ, каковъ характеръ польскаго народа и каковы его потребности, вытекающія изъ этого характера. А такъ какъ этотъ характеръ и эти потребности выработались подъ вліяніемъ исторіи, то я позволю себѣ выдвинуть тѣ моменты польской исторіи, которые болѣе всего могли вліять на развитіе и образованіе характера поляковъ. Начну, однако, съ отно-

шеній бывшей Польши съ Россіею, ибо это мнѣ дастъ возможность выяснить, были ли эти два народа русскій и польскій — исконными врагами, которыхъ совмѣстное существованіе было бы невозможно?

II.

Дѣйствительно ли Русскіе и Поляки исконные враги?

И русскіе и поляки происхожденія славянскаго и поэтому имѣютъ въ своихъ характерахъ очень много схожихъ чертъ, которыя не могли сгладиться, хотя уже почти 900 лѣтъ исторіи этихъ двухъ народовъ идутъ въ различныхъ направленіяхъ.

Историческое существованіе обоихъ народовъ началось въ IX вѣкѣ христіанской эры, благодаря соединенію въ каждомъ изъ нихъ, подъ однимъ скипетромъ, многихъ мелкихъ племенъ, предыдущій политическій строй которыхъ намъ почти неизвѣстенъ, но которыя по своему славянскому характеру и по нарѣчію были такъ близки другъ къ другу, что могли бы войти въ составъ, какъ одного такъ и другого государства и не чувствовать себя въ нихъ чужими.

Христіанская религія, издавна уже проповѣдуемая въ славянскихъ земляхъ апостолами и миссіонерами, принята была Россіей и Польшей почти одновременно въ X вѣкѣ. Россія приняла ее непосредственно изъ Царь-Града, съ которымъ давно уже поддерживала торговыя сношенія; Польша же, при посредничествѣ сосѣднихъ Чехіи и Германіи — изъ Рима. Вслѣдствіе этого Россія заимствовала первоначально и просвѣщеніе и цивилизацію съ Востока, а Польша въ своемъ культурномъ развитіи шла за Западной Европой.

Русскіе князья уже въ XI вѣкѣ, по установившемуся въ среднихъ вѣкахъ обычаю, надѣляли своихъ сыновей почти независимыми удѣлами, остающимися впрочемъ подъ верховной,

въ большинствѣ случаевъ только номинальной властью одного изъ нихъ. Въ Польшѣ такой обычай вошелъ въ силу только въ XII вѣкѣ. Между образовавшимися, такимъ образомъ, удѣльными князьями, подъ видомъ защиты наслѣдственныхъ правъ, возникали частые споры. Польскіе короли и князья, породнившіеся съ русскими князьями брачными узами, неоднократно и не всегда только платонически вмѣшивались въ эти споры, но этого нельзя было считать войнами, ни между этими двумя народами, ни даже между ихъ правительствами.

Въ XIII-томъ вѣкѣ наступило печальное время монгольскихъ и татарскихъ набѣговъ. Польша, болѣе отдаленная отъ ихъ гнѣзда, хотя и сильно пострадала, но не утратила своей самостоятельности. Всѣ почти Русскіе князья вынуждены были признать тяжелое иго Золотой Орды.

Но въ томъ же XIII вѣкѣ нападенія литовскихъ племенъ (населявшихъ побережье Балтійскаго моря и главнымъ образомъ берега Нѣмана и Двины), на мазовецкія княжества, возникшія при раздробленіи Польши на удѣлы, побудили мазовецкихъ князей призвать на помощь Орденъ Крестоносцевъ, образовавшійся во времена крестовыхъ походовъ, а, по ихъ прекращеніи, искавшій занятій и земли. Крестоносцы, покоривъ Пруссію, нападали на языческія еще племена Жмудзиновъ и Литовцевъ. Это принудило названныя племена соединиться между собой въ одинъ народъ и завести нѣкоторую организацію. Литовскіе князья, устроивъ до нѣкоторой степени свои дѣла съ крестоносцами, спѣшили на помощь князьямъ Западной Руси въ ихъ борьбѣ съ Монголами и Татарами. Такая помощь приводила иногда къ тому, что многіе Русскіе князья дѣлались вассалами Литвы, а нѣкоторые удѣлы князья Литовскіе прямо присоединили къ своимъ владѣніямъ. Такимъ образомъ, княжества Полоцкое, Витебское, Смоленское, Сѣверское, Черниговское и Кіевское уже въ XIV вѣкѣ вошли въ составъ Литвы.

Наиболѣе югозападное русское владѣніе, Королевство Галицкое послѣ смерти Юрія II Андреевича, послѣдняго изъ

Рюриковичей въ этой линіи, перешло въ началѣ XV вѣка, по наслѣдству къ польскому князю Мазовецкому Болеславу, сыну Тройдана, а затѣмъ, путемъ замѣны, къ Польскому Королю Казиміру Великому, отецъ котораго Владиславъ Локетекъ уже собралъ въ своихъ рукахъ значительную часть удѣловъ, на какіе Польша была раздроблена.

Литовскіе князья, будучи еще язычниками, нашли въ обширныхъ присоединенныхъ къ ихъ владѣніямъ русскихъ удѣлахъ, въ которыхъ уже около VI вѣковъ утвердилось христіанство, цивилизацію болѣе высокую, чѣмъ въ ихъ странѣ. По этому бѣлорусскій языкъ вскорѣ во всей Литвѣ сдѣлался языкомъ высшихъ классовъ общества и офиціальнымъ. Собраніе уставовъ, называемое Литовскимъ Статутомъ, было въ XVI вѣкѣ составлено на бѣлорусскомъ языкѣ и до второй половины XVII вѣка этотъ языкъ употреблялся во всей Литвѣ и въ судахъ и въ правительственныхъ учрежденіяхъ.

Крестоносцы, призванные польскими князьями для защиты страны отъ нападенія литовскихъ языческихъ племенъ, вскорѣ обратили оружіе и противъ самой Польши. Это вызвало необходимость коалиціи Польши съ Литвою противъ Ордена Крестоносцевъ и привело къ браку великаго князя Литовскаго Ягелло, принявшаго по этому случаю христіанство, съ королевой Польской Ядвигою. Ягелло при этомъ былъ избранъ королемъ польскимъ, такъ какъ уже въ то время престолъ польскій, по примѣру Священной Римской Имперіи, былъ избирательнымъ. Не смотря однако на эту привиллегію польской шляхты выбирать себѣ короля и на полное покореніе Ордена Крестоносцевъ, что именно имѣли въ виду поляки, предлагая польскій тронъ Великому князю Литовскому Ягелло, послѣ его смерти еще шестеро его сыновей, внуковъ и правнуковъ, наслѣдственныхъ князей Литовскихъ, были избраны по очереди польскими королями. Привязанность польскаго народа къ царствующему дому была столь велика, что послѣ прекращенія мужской линіи Ягеллоновъ, поляки искали даже въ Швеціи ихъ

преемниковъ, въ жилахъ которыхъ, хотя бы по женской линіи текла кровь этого рода, и изъ дома Вазовъ еще трое королей вплоть до прекращенія этой династіи царствовало въ Польшѣ.

При старанін Ягелло и его преемниковъ два народа литовско-русскій и польскій все болѣе и болѣе сближались между собою. На уніи въ Городлѣ въ 1413 г. литовско-русская шляхта получила тѣже самыя политическія права и привиллегіи, какими пользовалось уже польское дворянство, за исключеніемъ права свободнаго избранія своихъ Великихъ князей. Шляхтѣ прежняго Галицкаго королевства, присоединеннаго въ Польшѣ, эти права и привиллегіи были дарованы въ 1432 г. Наконецъ на соединенномъ литовскомъ и польскомъ сеймѣ въ Люблинѣ въ 1568 г. литовско-русская шляхта получила также право избранія Великихъ князей. Польша и Литва на этомъ сеймѣ соединились въ одно нераздѣльное государство, долженствующее на будущее время имѣть одного монарха и общій сеймъ для этихъ двухъ народовъ, причемъ однако каждый сохранялъ за собою административную и судебную автономію. На томъ же сеймѣ Кіевъ и Волынь, которыми владѣли Литовскіе князья, но которые Польша всегда оспаривала, какъ принадлежащіе къ Галицкому королеству, были присоединены къ Польшѣ.

Въ теченіе этого времени Великіе князья Московскіе старались собрать воедино всѣ русскіе удѣлы, которые не вошли еще въ составъ Великаго Княжества Литовскаго, или покрайней мѣрѣ пріобрѣсти надъ ними верховную власть. Одновременно съ этимъ, они старались освободиться отъ монгольскаго ига. Эта работа, продолжавшаяся нѣсколько вѣковъ, была наконецъ завершена въ 1480 г. Іоанномъ III-мъ и только съ этого времени начинаются настоящія войны между Россіею и Польшей.

Поводомъ къ первой войнѣ, объявленной въ 1492 г. Великимъ Княземъ Московскимъ Іоанномъ Васильевичемъ III-мъ было не столько желаніе отторгнуть отъ Литвы прежнія владѣнія русскихъ князей (о національныхъ притязаніяхъ тогда еще не было рѣчи; эта идея еще не существовала), но скорѣе

опасеніе Великаго Князя относительно безопасности своей столицы. Договоромъ, заключеннымъ въ 1408 г. между Васильемъ Дмитріевичемъ II и Витольдомъ (т. е. въ то время, когда Великіе Князья Московскіе и Литовскіе захватывали въ свои руки слабыя владѣнія Рюриковичей), границею между этими двумя государствами установлена была рѣка Угра, находящаяся въ разстояніи едва 200 верстъ отъ Москвы. Іоаннъ III-й, свергнувъ окончательно татарское иго, не могъ не думать объ упроченіи границъ своего государства. Непосредственнымъ, однако, поводомъ къ войнѣ было намѣреніе Новгорода Великаго, единственнаго почти въ то время рынка для московскихъ товаровъ, передаться во власть Великихъ Князей Литовскихъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, одной изъ причинъ этой войны было намѣреніе Московскихъ Царей взять подъ защиту жителей восточнаго обряда въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, преслѣдуемыхъ будто бы польской шляхтой католическаго вѣроисповѣданія. Это мнѣніе, однако, совершенно ошибочно. Шляхта въ этихъ провинціяхъ, будучи русскаго происхожденія, почти вся въ то время принадлежала къ Восточной церкви. Только въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій эта шляхта изподволь примкнула къ католицизму, перейдя черезъ двѣ стадіи — протестантизмъ и іезуитскія школы. Но въ 1492 г. въ годъ начатія этой войны, Лютеру было 9 лѣтъ а Кальвинъ еще не родился — и ихъ ученіе, поэтому, не могло распространиться по Литвѣ и Руси. Іезуитскій Орденъ, такъ часто обвиняемый въ гоненіяхъ послѣдователей Восточной церкви, еще не приступившихъ къ уніи, былъ основанъ только въ 1540 г., а первыя іезуитскія школы въ Браунсбергѣ и Вильнѣ — въ 1564 и 1569 г. Между прочимъ, однимъ изъ главныхъ вождей надъ польско-литовскимъ войскомъ былъ Великій Литовскій Гетманъ, Князь Константинъ Острожскій, принадлежащій къ Восточной Церкви и не бывшій уніятомъ, ибо унія была объявлена столѣтіемъ позже, именно въ 1594 г. Въ теченіе этой войны, неоднократно прерываемой

временными перемиріями, какія въ то время повсемѣстно были въ обычаѣ, и оконченной только въ 1526 г., Великіе Князья Московскіе пріобрѣли Княжество Черниговское, Сѣверское и Смоленское.

Вторую войну между Россіей и Рѣчью Посполитой началъ Іоаннъ Васильевичъ IV-ый въ 1561 г. Поводомъ къ ней послужило то обстоятельство, что во внутренней организаціи Ордена Меченосцевъ (Ливонскаго Ордена), владѣвшаго съ XIII вѣка Лифляндіей, Курляндіей и Эстляндіей, вслѣдствіе принятія имъ протестантства, наступило полное разложеніе. Іоаннъ IV-ый хотѣлъ этимъ воспользоваться и завоевавъ эти провинціи, пріобрѣсти такимъ образомъ для Россіи морское побережье. Орденъ Меченосцевъ, чувствуя себя не въ силахъ сопротивляться ему, распался и передалъ эти провинціи во власть польскихъ королей. Въ началѣ этой войны, Іоаннъ IV взялъ Полоцкъ, но послѣ того какъ польскія войска подошли къ Пскову, Великимъ Лукамъ и Смоленску и вслѣдствіе посредничества Апостольской Столицы, въ 1582 г. былъ заключенъ вѣчный миръ въ Киверовой Горкѣ. Іоанну IV-ому эта война не принесла никакихъ выгодъ, такъ какъ Полоцкъ былъ возвращенъ, а Лифляндія присоединена къ Польшѣ. Курляндія въ свою очередь тоже вошла въ составъ Польши, какъ ленное княжество, Эстляндія же перешла къ Швеціи, принимавшей участіе въ этой войнѣ.

Третья война между Россіей и Польшей начата была королемъ польскимъ Сигизмундомъ III-имъ. (Бывшій же до нея походъ Дмитрія Самозванца на Москву нельзя считать войною между этими двумя государствами, хотя въ немъ и принимало участіе войско, выставленное польскимъ магнатомъ Мнишкомъ, отцомъ Марины.) Предлогомъ къ этой 3-ей войнѣ послужило заключеніе наступательно-оборонительнаго союза между Царемъ Васильемъ Шуйскимъ и королемъ Шведскимъ, Карломъ IX, къ которому Сигизмундъ III-й чувствовалъ непріязнь за отнятіе у него шведской короны; заключеніе же такихъ союзовъ было

противно трактату 1582 г. Настоящей однако причиной этой войны было намѣреніе Сигизмунда III-го захватить Московскій престолъ для себя, или для своего сына, пользуясь неурядицами, происходившими въ то время въ Московскомъ Царствѣ, вслѣдствіе прекращенія царствующей въ немъ линіи князей Рюриковичей и появленія самозванцевъ. Въ теченіе этой войны Московская Боярская Дума предложила царскую корону молодому царевичу польскому Владиславу. Патріотизмъ однако Козьмы Минина и военные способности князя Пожарскаго измѣнили положеніе дѣла. Въ 1618 г. въ Довелинѣ было заключено перемиріе на 14 лѣтъ, по которому: Владиславъ отрекся своихъ правъ на московскій престолъ, а княжества Черниговское, Сѣверское и Смоленское, вплоть до 1526 г., т. е. свыше 100 лѣтъ принадлежавшія польско-литовскому государству, были уступлены Польшѣ. До окончанія срока этого четырнадцатилѣтняго перемирія король Польскій Сигизмундъ III-ый умеръ. Сынъ его Владиславъ IV-ый былъ избранъ его преемникомъ и между прочими началъ именоваться титуломъ Царя Московскаго. Именованіе себя такими фиктивными титулами практиковалось въ то время весьма часто. Титулъ Царя Іерусалима, которымъ въ то время владѣли Турки, носили въ Европѣ въ ту эпоху одновременно три монарха, не состоящихъ вовсе съ Турціей во враждебныхъ отношеніяхъ. Такой образъ дѣйствій со стороны Владислава IV былъ, однако, поводомъ вступленія московскихъ войскъ въ предѣлы Рѣчи Посполитой. Войска эти взяли даже Смоленскъ, но вскорѣ эта война окончилась, и въ 1634 г. въ Поляновкѣ подъ Вязьмой былъ заключенъ миръ при сохраненіи условій Довелинскаго договора.

Четвертая война между Польшей и Россіей началась въ 1645 г. и была вызвана переходомъ въ русское подданство казаковъ, взбунтовавшихся противъ польскаго правительства. О причинахъ этихъ бунтовъ я буду говорить ниже. Въ 1667 г. эта война была пріостановлена перемиріемъ на $13^1/_2$ лѣтъ въ Андрушовѣ, по которому къ Россіи перешли княжества Черни-

говское, Сѣверское и Смоленское, а также вся Украина, расположенная по лѣвому берегу Днѣпра, Запорожская Сѣчь и городъ Кіевъ съ его округомъ. Перемиріе это, безъ возобновленія военныхъ дѣйствій, въ 1678 г. было продолжено опять на 13 лѣтъ и наконецъ 26 Апрѣля (6 Мая) 1686 г. было замѣнено вѣчнымъ миромъ.[1]

Этотъ послѣдній договоръ всѣ русскіе Цари, начиная съ Петра Великаго, признавали окончательно регулирующимъ отношенія между Польшей и Россіей. Граница, установленная въ немъ между двумя государствами, въ томъ только разнилась отъ границы, указанной трактатами 1526 и 1582 г., что въ этихъ двухъ трактатахъ не было ничего сказано объ Украинѣ на лѣвомъ берегу Днѣпра, которая въ то время представляла почти пустырь, и что Кіевъ, по этимъ трактатамъ оставался въ рукахъ Польши.

Эти четыре войны велись, конечно, не съ тою правильностью съ которою въ настоящее время стараются ихъ вести цивилизированные народы. Снабженіе войскъ всѣмъ необходимымъ не было доведено до такой степени совершенства, какъ теперь. Пути сообщенія, остававшіеся еще въ первобытномъ состояніи, затрудняли подвозъ провіанта. Вслѣдствіе этого продовольствіе войскъ ложилось тяжелимъ бременемъ на провинціи, въ которыхъ они были расположены. Кромѣ того, нравы народовъ, принимавшихъ участіе въ этихъ войнахъ, не были еще смягчены цивилизаціею. Въ составъ, напр. московскихъ войскъ входили значительныя полчища только что покоренныхъ на дальнемъ Востокѣ языческихъ и варварскихъ племенъ, для которыхъ грабежи, поджоги и насилья были пріятнымъ развлеченіемъ. По отношенію военноплѣнныхъ практиковались другіе пріемы чѣмъ теперь; они не содержались на счетъ побѣдителя и по окончаніи войны не были возвращаемы на родину, но ихъ, для избѣжанія хлопотъ, или убивали или

[1] Полное собраніе Законовъ, т. II, 7174/1186.

же они попадали въ подданство и даже въ рабство побѣдителя. Поэтому войны эти оставляли послѣ себя грустныя воспоминанія, взаимную зложелательность и антипатію. Но въ сущности они оттого только были ужаснѣе всѣхъ другихъ войнъ, веденныхъ въ то время въ Европѣ, что войска, принимавшія въ нихъ участіе, численностью на много превосходили военныя силы другихъ Европейскихъ государствъ. Восьми или шестидесяти тысячныхъ войскъ, какими уже въ то время располагали Московскіе Цари, Европа еще не знала. Причины этихъ войнъ были чисто политическія, а не національныя и оттого они не могли служить поводомъ къ возникновенію непримиримой національной ненависти.

Поэтому, въ эпоху этихъ войнъ кандидатура Ивана Васильевича IV-го на тронь польскій поддерживалась на двухъ сеймахъ довольно сильной партіей изъ литовской шляхты. Спустя нѣсколько времени Московская Боярская Дума предлагала, какъ я уже говорилъ, московскій престолъ польскому королевичу. Король Польскій, Янъ Казиміръ самъ совѣтовалъ полякамъ избрать ему въ преемники Царя Алексѣя Михайловича. Императоръ Петръ Великій помогалъ польскому королю Августу II въ войнѣ противъ Карла XII, короля Шведскаго. Въ свою очередь Императрица Екатерина II-ая такимъ дружественнымъ вниманіемъ относилась къ Рѣчи Посполитой, что образовавшая въ половинѣ XVIII вѣка прогрессивная партія «Фамилія», которая намѣревалась провести въ Польшѣ значительныя реформы, прибѣгла къ ея покровительству. Къ ея также покровительству обратилась впослѣдствіи партія, противная этимъ реформамъ, извѣстная подъ именемъ Тарговицкой конфедераціи. Конечно, ни эти прогрессисты, ни консерваторы не допускали мысли, обращаясь къ высокому покровительству Русской Императрицы, чтобы они этимъ нарушали свой долгъ по отношенію къ своему отечеству.

И такъ Русскіе и Поляки не были исконными и непримиримыми врагами (Erbfeinde). Они могли бы жить рядомъ, въ

границахъ, указанныхъ трактатами 1526, 1582 и 1686 г., совершенно согласно и спокойно, несмотря на присутствіе въ составѣ Польши малорусскаго и бѣлорусскаго элементовъ, — точно также, какъ Россія, Австрія и Германія вотъ уже 100 лѣтъ живутъ въ полномъ согласіи между собою, хотя въ составѣ трехъ государствъ находятся подданные польскаго происхожденія. Несогласія между двумя этими народами и ихъ взаимныя обиды возникли вслѣдствіе событій, о которыхъ я буду говорить ниже, выяснивъ предварительно, что повліяло на образованіе убѣжденій, привычекъ и идеаловъ, или вообще говоря характера Поляковъ.

III.

Подъ какими вліяніями образовался характеръ польской народности?

Въ эпоху войнъ, о которыхъ я только что говорилъ, разныя обстоятельства вліяли на развитіе современнаго польскаго поколѣнія и тѣмъ самымъ на образованіе взглядовъ и характера польскаго народа.

Къ такимъ обстоятельствамъ надо отнести переселеніе въ Польшу весьма большаго контингента евреевъ изъ Германіи, гдѣ они въ XIII и въ XIV вѣкахъ подвергались сильнымъ преслѣдованіямъ. Наплывъ ихъ былъ столь значителенъ, что почти половина всѣхъ евреевъ, живущихъ на земномъ шарѣ, до сихъ поръ остается въ предѣлахъ бывшей Рѣчи Посполитой и составляетъ около десятой части всего ея населенія.

Послѣдствіемъ такого стеченія евреевъ въ Польшѣ было совершенное исчезновеніе мѣщанскаго или такъ называемаго средняго сословія. Оно не могло конкурировать съ евреями на поприщѣ торговли и промышленности, этихъ двухъ отраслей труда, являющихся главными условіями существованія средняго

класса и источниками его богатства и силы. Поэтому, мѣщане многихъ незначительныхъ мѣстечекъ въ Польшѣ сошли на степень крестьянскаго сословія и отличались отъ него только тѣмъ, что не несли барщины. Среднее сословіе удержалось отчасти въ нѣсколькихъ большихъ городахъ, да и то болѣе значительные мѣщанскіе роды старались о пріобрѣтеніи правъ шляхетства. И до сихъ поръ еще купить имѣніе, этотъ нѣкогда непремѣнный атрибутъ дворянскаго сословія, есть мечта каждаго болѣе или менѣе зажиточнаго мѣщанина. Обезсиленные до такой степени мѣщане не только не были въ состояніи пріобрѣсти новыхъ правъ и привиллегій, которыя бы могли соперничать съ шляхетскими, но также помогать королямъ польскимъ въ борьбѣ за власть, каковую съ успѣхомъ вели противъ дворянства всѣ монархи Западной Европы въ теченіе XVI и XVII вѣковъ, при содѣйствіи именно средняго сословія. Поэтому монархическая власть въ Польшѣ постепенно падала, а значеніе шляхты возрастало.

Крестьяне нигдѣ въ то время въ Европѣ не были вмѣшиваемы въ борьбу между монархическою властью и привиллегированными классами. И въ Польшѣ также крестьянское сословіе не принимало участья въ этой борьбѣ, которой, строго говоря, тамъ почти не было. Будучи до XV вѣка лично совершенно свободными, крестьяне должны были сначала только безвозмездно обрабатывать земли, даруемыя королями и князьями польскими своей шляхты, обязанной въ свою очередь по первому зову своихъ повелителей являться съ оружіемъ въ рукахъ для защиты отечества. По мѣрѣ однако увеличенія количества обработываемыхъ земельныхъ участковъ, возрастали и тяготы крестьянъ, а съ усиленіемъ значенія шляхты положеніе крестьянъ дѣлалось все болѣе зависимымъ. Дошло наконецъ до полнаго порабощенія, которое однако было гораздо легче, чѣмъ въ сосѣдней Германіи или въ Россіи, такъ какъ съ юридической точки зрѣнія крѣпостнымъ считался только крестьянинъ, получившій надѣлъ и обязанный отработать за

него барщину, и одинъ изъ его сыновей, — въ обезпеченіе этого обязательства. Остальные же сыновья были совершенно свободны въ выборѣ мѣста; они поселялись на новыхъ мѣстахъ, которыя на извѣстное время были освобождаемы отъ всякихъ повинностей, или же уходили на дальній Востокъ на Украину. Настоящихъ же безземельныхъ крѣпостныхъ, такъ называемыхъ дворовыхъ, въ Польшѣ никогда не было. Во всякомъ случаѣ политическаго элемента крестьяне въ Польшѣ собою никогда не представляли.

Единственнымъ элементомъ, на поддержку котораго въ борьбѣ съ всевластною шляхтою могли разчитывать польскіе короли, являлось казачество. Набѣги Татаръ, осѣвшихъ на берегахъ Чернаго моря и Молдаванъ на Украину и Подолію, вызывали въ этомъ краѣ и въ остальной Польшѣ сильное броженіе среди пылкой и жаждущей приключеній молодежи и побуждали ее къ сопротивленію. Избравъ своимъ мѣстопребываніемъ болѣе защищенныя природою островки, ниже пороговъ Днѣпра, они производили оттуда нападенія на орды Татаръ, и отбивали взятыхъ въ плѣнъ соотечественниковъ и добычу. По возвращеніи домой, эти смѣльчаки были принимаемы съ большими почестями и съ восторженнымъ чувствомъ благодарности за оказанныя странѣ услуги. Въ глазахъ народа они завоевали себѣ права дворянства. Но владѣльцы имѣній, откуда родомъ были эти казаки, не признавали ихъ заслугъ и принуждали къ работѣ, наравнѣ съ другими крестьянами. Необходимость однако защиты страны отъ татарскихъ набѣговъ побуждали королей польскихъ дать казакамъ постоянную организацію. Уже Владиславъ Ягелло (1386—1437 г.), а затѣмъ Сигизмундъ I-ый (1506—1548 г.) хотѣли дать казачеству устройство рыцарскаго ордена, но оно не было настолько образовано, чтобы принять организацію, чуждую духу Восточной Церкви и бывшею не по нутру греческому духовенству, которое въ то время въ большомъ количествѣ стекалось въ этотъ край и которому какъ и вообще грекамъ походы Кресто-

носцевъ не могли оставить пріятныхъ воспоминаній. Впослѣдствіи король Стефанъ Баторій (1575—1586 г.) образовалъ изъ казаковъ войско. Онъ назначилъ имъ жалованіе, обѣщалъ форму и освободилъ ихъ отъ всѣхъ повинностей въ отношеніи помѣщиковъ. Хотя Стефанъ Баторій еще не даровалъ имъ правъ шляхетства, какія уже нѣсколько вѣковъ имѣли совершенно схожія организаціи на Мазовіи, защищавшія Польшу отъ нападенія Язвинговъ, Литовцевъ и Пруссаковъ и составляющія въ настоящее время многочисленную засцянковую шляхту въ Ломжинской, Сѣдлецкой и Гродненской губерніяхъ, но, обращаясь къ казакамъ, онъ называлъ ихъ уже «panowie mołojcy» (господа казаки), титулъ же пана принадлежалъ только дворянину. Такое возвеличеніе людей, вышедшихъ изъ народа, не понравилось шляхтѣ, а въ особенности магнатамъ, имѣвшимъ свои владѣнія въ этихъ пограничныхъ провинціяхъ. Поэтому, послѣ смерти Баторія, казаки были ограничены въ правахъ, дарованныхъ имъ королемъ, и ихъ даже обязали къ несенію барщины. Щедро обѣщанное жалованіе до нихъ не доходило и для своего пропитанія они были даже вынуждены грабить помѣстья магнатовъ, или дѣлать набѣги на сосѣднія земли, находившіяся подъ турецкимъ владычествомъ. Это служило поводомъ къ дипломатическимъ осложненіямъ и даже доводило до войнъ между Турціею и Польшею. Неповиновеніе казаковъ вызывало со стороны польскаго правительства репрессивныя мѣры, которыя въ свою очередь были причиною казацкихъ бунтовъ. Борьба эта прекращалась всякій разъ, какъ Рѣчь Посполитая вела войну съ внѣшнимъ врагомъ; казаки въ этихъ случаяхъ охотно и преданно служили Польшѣ, такъ какъ войны были ихъ страстью. Но какъ только заключался миръ, вновь возобновлялись внутреннія междуусобія, постоянно прерываемыя разными договорами. По нѣкоторымъ изъ этихъ договоровъ, казакамъ были обѣщаны права и привиллегіи польской шляхты и даже автономія для Украины по сю и по ту сторону Днѣпра, такая же, какую имѣла Литва.

Въ другихъ опять случаяхъ эти уступки брались назадъ. Гетманъ казаковъ, Богданъ Хмѣльницкій, упоенный своими удачами, безмечталъ уже о полной независимости Украины. Потерявъ эту надежду, онъ хотѣлъ одно время перейти на сторону Турецкаго Султана, какъ это сдѣлали Господари Молдавіи и Валахіи, но въ концѣ концовъ въ 1654 г. отдался подъ покровительство Царя Алексѣя Михайловича. Эти междуусобія имѣли характеръ соціальный и въ нихъ не было и слѣда національной вражды. Для того же, чтобы привлечь народъ въ эти семейныя междуусобицы, предводители казаковъ пользовались и даже злоупотребляли мнимыми религіозными мотивами, точь въ точь, какъ это дѣлали организаторы польскаго возстанія 1863 г.

За отсутствіемъ элементовъ, на которые могли опереться польскіе короли, помимо шляхты, эта послѣдняя, возведенная въ дворянское достоинство сперва, какъ и въ другихъ странахъ, за услуги, оказанныя королямъ и князьямъ и съ обязательствомъ быть всегда на готовѣ на случай войны, снискивала себѣ все новыя привиллегіи. А монархическая власть, ограниченная въ законодательствѣ и администраціи уже во всей Западной Европѣ сеймами или парламентами и также тѣмъ, что всѣ болѣе или менѣе важныя государственныя должности считались пожизненными, въ Польшѣ еще болѣе была стѣснена особыми договорами, «pacta conventa», навязываемыми королямъ при ихъ избраніи.

Но и власть сеймовъ была ограничена шляхтою. Съ 1550 г. вошло въ обычай давать посламъ, отправляемымъ на сеймъ инструкціи относительно вотируемыхъ ими вопросовъ, а впослѣдствіи, начиная съ 1572 г., отъ нихъ требовался отчетъ о ихъ дѣйствіяхъ на сеймѣ. Этотъ обычай, впрочемъ, существуетъ во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ, такъ какъ вездѣ выборы въ парламентъ происходятъ подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія на текущія дѣла. Но нигдѣ, однако, еще до сихъ поръ не практиковался обычай, утвердившійся

въ Польшѣ съ 1652 г. — срывать сеймъ возгласомъ «nie pozwalam» (не разрѣшаю), произнесеннымъ, хотя бы однимъ изъ присутствующихъ пословъ. Прецедентъ для этого обычая заимствованъ изъ Германіи, гдѣ рѣшенія сеймовъ считались окончательными только «consensu omnium». Единственнымъ средствомъ, обезпечивающимъ преніямъ на сеймахъ спокойный и благопріятный исходъ, было составленіе конфедераціи, такъ какъ при этомъ условіи необходимость единогласія замѣнялась мнѣніемъ большинства. Средство это не всегда съ одинаковымъ удобствомъ могло быть примѣняемо, такъ какъ для составленія конфедераціи на сеймахъ, необходимо было единогласное постановленіе сейма.

Да къ тому же и конфедераціи были обоюдоострымъ оружіемъ въ виду того, что составлять ихъ могли не одни только сеймы. Каждый шляхтичъ, недовольный ходомъ дѣлъ, имѣлъ право заявить протестъ въ одномъ изъ земскихъ судовъ. Протестъ этотъ оглашался, и, если находилось достаточное число согласныхъ съ нимъ, то организовалась конфедерація или открытое соглашеніе для достиженія какой либо общественной цѣли. Конфедераты во главѣ со своимъ «маршалкомъ» часто вели борьбу съ королемъ и съ правительствомъ Рѣчи Посполитой, или же вступали съ ними въ переговоры, что отнюдь не считалось какимъ либо государственнымъ нарушеніемъ а лишъ осуществленіемъ своего права.

При такомъ шаткомъ положеніи правительственной организаціи нечего было бы и думать о сколько нибудь правильномъ ходѣ общественно-государственныхъ дѣлъ, если бы въ этомъ краѣ не господствовала самая широкая административная децентрализація, и если бы не только обѣ составныя части государства — Корона или Польша и Великое Княжество Литовское, имѣющія каждая своихъ министровъ, но даже всѣ воеводства и уѣзды не имѣли самостоятельнаго и почти независимаго отъ центральныхъ властей управленія. Король только назначалъ высокихъ сановниковъ, сенаторовъ,

офицеровъ весьма немногочисленнаго войска; на всѣ остальныя административныя и судебныя должности назначались лица по выбору. Поэтому, выборныя собранія или сеймики были въ краѣ предметами первостепенной важности. Каждый шляхтичъ, владѣющій хотя бы наименьшимъ клочкомъ земли, былъ избирателемъ. Желающіе занять должности, которыя могли бы служить для нихъ источникомъ, если не прямыхъ или косвенныхъ выгодъ, то, по крайней мѣрѣ, почета и вліянія, должны были пріобрѣсти расположеніе избирателей т. е. шляхты. Лучшее средство снискать расположеніе людей это имъ льстить. Поэтому, польскіе магнаты внушали собравшимся для выборовъ, что «шляхтичъ на загродѣ, равенъ воеводѣ» (szlachcic na zagrodzie, równy wojewodzie). Шляхта этому вѣрила и такимъ путемъ вырабатывалось въ ней сознаніе дѣйствительнаго равенства.

Непосредственное же участіе шляхты въ избраніи королей и въ выборахъ должностныхъ лицъ, и косвенное въ управленіи государствомъ черезъ пословъ, отправляемыхъ на сеймы, а главнымъ образомъ завѣдываніе въ провинціяхъ при посредствѣ сеймиковъ мѣстными дѣлами, которыя, какъ болѣе близкія шляхтѣ и болѣе ей понятныя, были въ ея глазахъ важнѣе государственныхъ интересовъ, — развило въ ней привичку, перешедшую затѣмъ въ потребность, оказывать вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ.

А шляхты этой было не мало. Во время раздѣловъ Польши, на 12 милліоновъ народонаселенія, ея приходилось около милліона. Литовская и Русинская шляхта, пользуясь правами и привиллегіями, наравнѣ съ польской, съ теченіемъ временн совершенно ополячилась и ничѣмъ не отличалась отъ шляхты чисто польскаго происхожденія.

Подъ вліяніемъ же демократическихъ идей философовъ XVIII-го вѣка, распространенныхъ по всей Европѣ наполеоновскими войсками, рушились преграды, раздѣлявшія польскую шляхту отъ польской интеллигенціи всякаго другаго происхож-

денія, и эта послѣдняя быстро усвоила себѣ всѣ шляхетскіе идеали и стремленія. Да и весь народъ, населяющій провинціи прежней Рѣчи Посполитой, по мѣрѣ того, какъ у него развивалось сознаніе нравственныхъ нуждъ, проникался убѣжденіями и принципами болѣе образованныхъ классовъ.

Исторія Польши оставила, поэтому, въ сердцахъ и умахъ поляковъ, кромѣ сознанія личной свободы, доведенной до крайности, что и было причиною политическаго упадка этого государства, еще также и сознаніе равенства и необходимости оказывать вліяніе на ходъ общественныхъ, главнымъ образомъ, мѣстныхъ дѣлъ. Эти два послѣднія качества характера поляковъ вполнѣ могли бы, какъ я это выясню ниже, быть согласованы съ ихъ теперешнимъ политическомъ положеніемъ.

IV.

Участіе Россіи въ раздѣлахъ Польши.

Пользуясь явною слабостью правительства Рѣчи Посполитой, вызванной безсиліемъ монархической власти, сосѣднія государства безпрепятственно вводили въ предѣлы Польши свои войска и вообще оказывали вліяніе на внутренюю политическую жизнь Польши. Чаще всѣхъ проходили черезъ польскія провинціи и оставались тамъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ русскія войска, особенно со времени войны съ Карломъ XII-ымъ, королемъ Шведскимъ, разрѣшенной сраженіемъ подъ Полтавой. Присутствію этихъ войскъ Августъ II былъ обязанъ возвращеніемъ утраченной имъ польской короны, короли же Августъ III и Станиславъ Августъ своимъ избраніемъ.

Поляки, однако, сознавали недостатки конституціи своего государства. Уже въ первой половинѣ XVIII-го вѣка образовалась въ Польшѣ довольно значительная партія — «Familia»,

руководимая князьями Чарторыскими и стремившаяся къ усиленію монархической власти путемъ соотвѣтственнаго уменьшенія правъ шляхты. Эта партія сразу пріобрѣла расположеніе Императрицы Екатерины II-ой и выбравъ при ея содѣйствіи на польскій престолъ своего кандидата, Станислава Августа, тотчасъ же приступила къ осуществленію своихъ проектовъ. Но въ Польшѣ существовала и другая партія, не желавшая ограниченія «золотой вольности» польской шляхты. Эта партія, составивъ такъ называемую Барскую Конфедерацію, старалась прежде всего вытѣснить изъ Польши чужеземныя войска, а главнымъ образомъ русскія, на которыхъ, по крайней мѣрѣ, наружно, опиралась «Фамилія». Войска трехъ сосѣднихъ съ Польшею государствъ подавили эту конфедерацію и Россія 13/24 февраля 1768 г. принудила сеймъ Рѣчи Посполитой подписать трактатъ[1], въ силу котораго всѣ реформы, введенныя въ Рѣчи Посполитой въ царствованіе короля Станислава Августа, были отмѣнены, а взамѣнъ ихъ возстановлены такъ называемыя кардинальныя права польскаго народа, упрочивающія въ этомъ краѣ безсиліе центральныхъ государственныхъ учрежденій, русское же правительство поручилось за ихъ неприкосновенность. Россія въ этомъ трактатѣ поручилась также за цѣлость и неприкосновенность земель, принадлежащихъ Рѣчи Посполитой.

Это ручательство однако въ цѣлости и неприкосновенности польскаго государства, данное въ 1768 г., не помѣшало Россіи заключить уже 14/25 Іюля 1772 г.[2] договоры съ Австріей и Пруссіей по предмету перваго раздѣла Польши.

Идея раздѣла Польши не была новою, и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ виду крайней слабости государственнаго строя Рѣчи Посполитой, вызванной полнымъ обезсиленіемъ монархической власти, сосѣднимъ государствамъ улыбалась

---

[1] Полное собраніе законовъ, т. XVIII, No. 13071.

[2] Martens, т. II, стр. 89, 93.

мысль расширить по взаимному соглашенію свои границы присоединеніемъ нѣкоторыхъ польскихъ провинцій. Въ составленіи такихъ проектовъ всегда принимали живѣйшее участіе (князья, впослѣдствіи) короли Прусскіе, и въ данномъ случаѣ инціатива перваго раздѣла Польши принадлежала Пруссіи.

Для приданія законности этимъ захватамъ Пруссія и Австрія заявили какія то династическія претензіи. Со стороны же Россіи не было предъявлено никакихъ династическихъ или національныхъ претензій и, соглашаясь на занятіе Австріей весьма обширныхъ провинцій, населенныхъ руссинами, принадлежащими къ Восточной Церкви, она ясно доказала этимъ, что ей были чужды какія либо національныя цѣли. Претензіи Россіи были обстоятельно изложены въ прокламаціи, напечатанной на польскомъ языкѣ въ Петербургѣ въ 1773 г. «въ типографіи Императорской Академіи» подъ заглавіемъ: «Изложеніе дѣйствій Императорскаго Россійскаго Двора въ отношеніи Пресвѣтлѣйшей Польской Рѣчи Посполитой съ приведеніемъ данныхъ, на которыхъ Онъ основываетъ взятіе во владѣніе принадлежащихъ Ей земель, въ удовлетвореніе претензій, предъявленныхъ къ Ней Императорскимъ Правительствомъ.» Въ этомъ «Изложеніи» Императорскій Дворъ сослался на вышеупомянутые трактаты, заключенные между Россіей и Польшею въ 1583 и 1686 г. и опредѣляющіе одинаковымъ почти образомъ границы между двумя этими государствами, и призналъ за ними обязательную силу, что впрочемъ и въ трактатѣ 1768 г. было вновь подтверждено. Предъявленныя въ томъ же документѣ претензіи къ Рѣчи Посполитой, въ удовлетвореніе которыхъ Россія заняла нынѣшнія Витебскую и Могилевскую губерніи, были основаны: на разрѣшеніи, вопреки этимъ трактатамъ, русскимъ подданнымъ, удаляющимся въ Польшу, поселяться въ ея провинціяхъ; на произвольномъ перемѣщеніи пограничныхъ таможень; на наложеніи, какъ казною Рѣчи Посполитой, такъ и польской пограничной шляхтой произвольныхъ пошлинъ на русскіе продукты, ввозимые

въ Польшу и вообще на всевозможныя притѣсненія русской торговли.

Первый раздѣлъ Польши былъ оформленъ трактатомъ, заключеннымъ 18/29 Сентября 1773 г.[1], благодаря только давленію находившихся въ то время въ Варшавѣ русскихъ войскъ. Въ этомъ трактатѣ Россія вновь поручилась за сохраненіе кардинальныхъ правъ польскаго народа, а также за цѣлость и неприкосновенность земель, оставшихся во владѣніи Рѣчи Посполитой послѣ 1-го раздѣла. Впрочемъ отъ всякихъ притязаній на эти земли Россія отказалась еще при занятіи Витебской и Могилевской губерній въ декларации отъ 28 Мая 1772 г.[2]

Этотъ первый раздѣлъ Польши сильно подѣйствовалъ на поляковъ. Все увеличивавшаяся прогрессивная партія на конфедеративномъ сеймѣ въ 1788 г., продолженномъ въ 1790 г. на второе двухлѣтіе, добилась наконецъ утвержденія конституціи 3 Мая 1791 г., при помощи которой предполагалось усилить королевскую власть и образовать болѣе сильное правительство. Но партія, противная такому ограниченію «золотой вольности» польской шляхты, составила въ Тарговицахъ контръ-конфедерацію. Русскія войска вступили въ предѣлы Рѣчи Посполитой и поспѣшили къ Варшавѣ на помощь Тарговицкой конфедераціи. Польскія войска оказали сопротивленіе русскимъ, и между обѣими арміями произошли два сраженія подъ Зеленцами и Дубенькой. Эти столкновенія (которыя даже нельзя было считать войной между Польшей и Россіей, такъ какъ польскія войска защищали только существующее правительство противъ конфедераціи), тотчасъ же прекратились, какъ только король польскій, по требованію Императрицы, присоединился къ Тарговицкой Конфедераціи.

Казалось бы, что помощь, оказанная Россіей Тарговицкой

---

[1] Полное собраніе законовъ, т. XIX, 14042.

[2] Полное собраніе законовъ т. XIX, 13808.

Конфедераціи, была только выполненіемъ гарантій, данныхъ ею въ 1768 и 1773 г., относительно неприкосновенности кардинальныхъ правъ Рѣчи Посполитой. Но Россія, снесясь съ Пруссіей, позволила ей уже въ Январѣ 1793 г. занять городъ Данцигъ и Великую Польшу, сама же заняла нынѣшнія Минскую, Кіевскую и половину Волынской губерній, и опять принудила гродненскій сеймъ санкціонировать второй раздѣлъ трактатомъ отъ 11/22 Іюля 1793 г.[1], не смотря на протестъ Тарговицкой конфедераціи, которая послѣ сего развязалась. Означеннымъ трактатомъ была подтверждена выраженная Россіей въ предыдущихъ договорахъ гарантія цѣлости и неприкосновенности земель, оставляемыхъ Рѣчи Посполитой, что было затѣмъ еще разъ подтверждено трактатомъ отъ 5/16 Октября 1793 г.[2] Кардинальныя же права польскаго народа въ этихъ трактатахъ уже не были гарантированы Россіей; и предвидѣлось составленіе новой конституціи для Польши на сеймѣ, который долженъ былъ собраться въ Гроднѣ.

Польша, уменьшенная до одной трети занимаемой ею территоріи, народонаселенія и доходовъ, должна была, конечно, подумать объ экономіи въ своемъ бюджетѣ. Съ этою цѣлью было постановлено значительное сокращеніе арміи, возмущенной, разумѣется, тѣмъ, что происходило въ отчествѣ. Войско воспротивилось такому распоряженію и, побуждаемое нѣкоторыми патріотами, произвело возстаніе подъ начальствомъ польскаго генерала Костюшки, прославившагося въ войнѣ за независимость Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Это возстаніе было подавлено соединенными силами трехъ государствъ, принимавшихъ участіе въ раздѣлахъ Польши. Затѣмъ 23 Декабря — 3 Января 1794—95 г.[3] русское правительство снеслось съ Австрійскимъ, а 13/24 Октября 1795 г.[4]

[1] Полное собраніе законовъ т. XXIII, 17144.
[2] Martens, т. V, стр. 556.
[3] Martens, т. VI, стр. 168.
[4] Martens, т. VI, стр. 171.

съ прусскимъ правительствомъ относительно третьяго и послѣдняго раздѣла Польши. Въ этихъ трактатахъ, какъ поводъ къ окончательному раздѣлу Польши, была приведена: «полная неспособность Рѣчи Посполитой къ устройству у себя сильнаго правительства, которое могло бы подавлять превратные принципы, какіе распространились въ Польшѣ, а также жить спокойно, выбравъ какую либо одну форму политической независимости.» Санкціонированія этого третьяго раздѣла отъ Рѣчи Посполитой уже не требовали. Его замѣнило отреченіе короля Станислава Августа 14/25 Ноября 1795 г.[1] — которое однако, по мнѣнію всѣхъ поляковъ, какъ состоявшеяся безъ ихъ согласія, не наложило на нихъ никакихъ обязательствъ.

Польское государство перестало существовать, но не переставъ существовать польскій народъ.

Сколь великою скорбью были охвачены сердца поляковъ послѣ паденія ихъ отечества, я не считаю нужнымъ объяснять тѣмъ, которые съ благоговѣніемъ чтутъ память Іоанна Калиты, Дмитрія Донскаго, князя Іоанна Васильевича III, Минина и Пожарскаго, составляющихъ славу и гордость своего народа. Какъ чувство благоговѣнія къ этимъ защитникамъ отечества сохраняется, спустя столько минувшихъ вѣковъ въ сердцахъ всѣхъ русскихъ, такъ точно скорбь объ утратѣ независимости своей отчизны переходить въ сердцахъ поляковъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Къ этой скорби присоединилось и недовѣріе къ Россіи, вполнѣ оправдываемое неоднократнымъ неисполненіемъ даваемыхъ гарантій въ цѣлости и неприкосновенности земель, принадлежащихъ Рѣчи Посполитой. Остались въ ихъ сердцахъ тяжелыя воспоминанія о тѣхъ насиліяхъ, какія въ теченіе почти цѣлаго вѣка производились русскими войсками, находящимися въ Польшѣ и представителями Россіи, аккредитированными при правительствѣ Рѣчи Посполитой. Эти чувства до

[1] Martens, т. VI, стр. 176.

тѣхъ поръ не изгладятся въ сердцахъ поляковъ, пока они не будутъ чувствовать себя вполнѣ счастливыми въ своемъ новомъ положеніи; счастіе же достигается только путемъ удовлетворенія всѣхъ матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей.

V.

Польско-Русскія отношенія послѣ раздѣла Польши.

Польскій вопросъ въ Россіи явился неизбѣжнымъ послѣдствіемъ раздѣла Польши и присоединенія къ Россіи многихъ провинцій, прежде принадлежавшихъ Рѣчи Посполитой. Суть этого вопроса заключалась въ отысканіи средствъ, при помощи которыхъ польскій элементъ введенный въ составъ Россійской Имперіи, содѣйствовалъ бы увеличенію могущества и славы Россіи и счастья ея подданныхъ.

Взгляды Русскаго Правительства на средства, какія слѣдовало-бы предпринять для достиженія намѣченной цѣли, въ разныя эпохи были различны. При томъ, не только событія, происходившія въ краѣ, но и тѣ, которыя происходили заграницей, вліяли на взгляды правительства, на образъ его дѣйствія и на настроеніе поляковъ.

Первою изъ этихъ эпохъ былъ двадцатилѣтній промежутокъ между первымъ раздѣломъ Польши въ 1772 г. и послѣдующими ея раздѣлами въ 1793 и 1795 г. Установленіе своихъ порядковъ въ мало-значительныхъ сравнительно провинціяхъ, присоединенныхъ въ Россіи по первому раздѣлу Польши, не представляло никакихъ затрудненій, такъ какъ польскій элементъ въ этихъ провинціяхъ былъ весьма немногочисленный. Поляки, недовольные своимъ новымъ положеніемъ, могли переселяться въ Польшу, еще довольно обширную и, хоть наружно, но все же независимую. Впрочемъ, поляки

перешедшіе въ русское подданство, не имѣли даже много поводовъ быть недовольными. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого раздѣла, въ 1786 г., Императрица Екатерина II-ая даровала Россіи сословныя и городскія установленія, которыя могли удовлетворять потребностямъ самоуправленія поляковъ, принявшихъ русское подданство. Какъ націю поляковъ не преслѣдовали, а оставленіе Екатериной II въ этихъ провинціяхъ Іезуитскаго Ордена, въ другихъ странахъ въ то время уже упраздненнаго, подняло даже степень просвѣщенія этого края.

Второй періодъ русско-польскихъ отношеній начался послѣ двухъ послѣднихъ раздѣловъ Польши въ 1793 и въ 1795 г., столь быстро одинъ за другимъ послѣдовавшихъ, что ихъ можно считать за одинъ историческій фактъ. Начало второго періода было ознаменовано ВЫСОЧАЙШИМЪ Манифестомъ отъ 14 Декабря 1795 г.[1] которымъ Императрица Екатерина II, отъ своего и отъ имени всѣхъ своихъ преемниковъ обезпечила всѣмъ перешедшимъ въ ея подданство полякамъ полную равноправность съ остальными Ея русскими подданными.

Преемникъ Екатерины II-ой, Императоръ Павелъ I-ый началъ свое царствованіе въ 1796 г. дарованіемъ свободы Костюшкѣ. Удостоивъ его даже своимъ посѣщеніемъ, Императоръ почтилъ въ немъ патріота и воздалъ дань уваженія чувствамъ, руководившимъ имъ во время возстанія 1794 г. На вопросъ однако Костюшки о его намѣреніяхъ относительно прежнихъ польскихъ провинцій, присоединенныхъ къ Россіи, Императоръ категорически заявилъ, что, хотя онъ не одобрялъ раздѣловъ Польши, произведенныхъ Его Матерью, но, такъ какъ онъ унаслѣдовалъ уже совершившійся фактъ, то, будучи прежде всего Русскимъ Императоромъ, онъ не могъ бы согласиться на независимое и отдѣльное отъ Имперіи существованіе этихъ провинцій. Преслѣдовать однакоже поляковъ, онъ

[1] Полное собраніе законовъ, т. XXIII, No. 17418.

совсѣмъ не былъ намѣренъ, и дѣйствительно онъ разрѣшилъ около 12 тысячамъ поляковъ, попавшимъ еще до раздѣла ихъ отечества въ глубь Россіи, возвратиться на родину. Исключительные и самовольные порядки въ управленіи бывшихъ польскихъ провинцій, присоединенныхъ къ Россіи по двумъ послѣднимъ раздѣламъ, прекратились, насколько это было возможно и совмѣстимо съ характеромъ и нравами лицъ, въ рукахъ коихъ находилась администрація. Жители этихъ провинцій начали пользоваться всѣми правами и привиллегіями, наравнѣ съ остальными русскими подданными. Польскій языкъ остался въ употребленіи въ школахъ, въ судахъ и во всѣхъ сословныхъ учрежденіяхъ. Для народнаго образованія были оставлены тѣже учебныя заведенія и тотъ же составъ профессоровъ, который былъ прежде. Литовскій статутъ продолжалъ регулировать юридическія отношенія обывателей этого края. Чиновники судебнаго и административнаго вѣдомства, какъ и во всей Имперіи, были избираемы дворянствомъ. И разумѣется избираемы были поляки.

Императоръ Александръ I, вступивъ на престолъ, продолжалъ вести туже политику и даже пошелъ еще дальше въ этомъ направленіи. Князь Адамъ Чарторискій, удостоенный особымъ довѣріемъ своего Монарха, былъ назначенъ попечителемъ вновь основаннаго въ Вильнѣ Университета и товарищемъ министра Иностранныхъ Дѣлъ, а членъ Государственнаго Совѣта, графъ Северинъ Потоцкій — попечителемъ Харьковскаго Университета, въ которомъ многія кафедры были предоставлены полякамъ. Нѣкоторые изъ нихъ получили высокія назначенія при Дворѣ и въ разныхъ учрежденіяхъ. Польскій элементъ, вошедшій въ составъ Россіи, началъ содѣйствовать ея культурному развитію и ничто, казалось, не могло нарушить этихъ мирныхъ отношеній. Второй періодъ польско-русскаго вопроса окончился одновременно съ заключеніемъ Тильзитскаго договора 25 Юня — 7 Іюля 1807 г., прекра-

тившаго побѣдоносную кампанію Наполеона I противъ Пруссіи (1806 г.) которую поддерживала Россія.

Образованіе въ 1807 г. Императоромъ Наполеономъ I независимаго Варшавскаго Герцогства изъ польскихъ земель, отнятыхъ отъ Пруссіи, вновь воскресило надежды поляковъ на возстановленіе, современемъ, ихъ отечества въ прежнихъ границахъ. Многіе, однако, изъ поляковъ, жившихъ въ западныхъ губерніяхъ, не раздѣляли упованій своихъ соплеменниковъ. Они считали, что поступятъ болѣе благоразумно и осторожно, если останутся вѣрными Русскимъ Императорамъ и будутъ ходатайствовать передъ Ними объ улучшеніи участи своего края. Князь Михаилъ Клеофасъ Огинскій, послѣдній Великій Подскарбій Литовскій, вмѣстѣ съ многими изъ своихъ единоплеменниковъ, представилъ Императору Александру I всеподданнѣйшую просьбу объ образованіи изъ прежнихъ польскихъ провинцій, присоединенныхъ къ Россіи, — Великаго Княжества Литовскаго, которое будучи неразрывно связано съ Русской Имперіей, пользовалось бы широкой автономіей. Впослѣдствіи, когда отношенія между Россіей и Франціей нѣсколько осложнились, и предвидѣлась война, которая могла кончиться одинаково или отнятіемъ у Россіи прежнихъ польскихъ провинцій, или же, напротивъ, покореніемъ только что образованнаго Герцогства Варшавскаго, князь Огинскій просилъ Государя о соединеніи этого предполагаемаго завоеванія въ одно цѣлое съ западными губерніями, подъ именемъ Царства Польскаго, королями котораго навсегда были бы Русскіе Императоры.

Императоръ Александръ I сначала не далъ окончательнаго отвѣта на эти предложенія, хотя очень охотно ихъ выслушивалъ. Когда же во время войны 1812 г. войска враговъ были уже на обратномъ пути, Императоръ поручилъ князю Чарторискому (который съ 1807 г. не состоялъ при Государѣ и не занималъ никакого поста, кромѣ должности попечителя Виленскаго университета), склонить министровъ

и жителей Герцогства Варшавскаго покинуть Наполеона и довѣриться Его ВЫСОЧАЙШИМЪ намѣреніямъ относительно ихъ отечества. Для доказательства искренности этихъ намѣреній онъ объявилъ 12/24 Декабря 1812 г.[1] полную амнистью всѣмъ полякамъ, Его подданнымъ, которые подняли оружіе въ этой войнѣ противъ Россіи и приказалъ военнымъ властямъ обращаться съ населеніемъ Герцогства Варшавскаго какъ съ жителями наиболѣе дружественнаго края. Удостоивъ же своимъ посѣщеніемъ князя Чарторискаго въ его имѣніи Пулавахъ, въ Герцогствѣ Варшавскомъ, онъ заявилъ всѣмъ собравшимся привѣтствовать Его полякамъ, что «Его намѣренія не измѣнились, но онъ будетъ ожидать результатовъ войны съ Наполеономъ, такъ какъ желаетъ возстановить Польшу, какъ побѣдитель.» Эти слова Императора Александра I привелъ вице Канцлеръ князь Горчаковъ въ своемъ меморандумѣ отъ 26 Августа 1863 г.[2]

Попытки князя Чарторыскаго и главнымъ образомъ эти Царскія слова не остались безъ послѣдствій. Войска Герцогства Варшавскаго, распредѣленныя по разнымъ корпусамъ Наполеоновской арміи, дѣйствительно, послѣдовали за французскими войсками, но изъ правительства только двое министровъ покинули Варшаву и удалились въ Дрезденъ къ своему повелителю, Саксонскому Королю, Герцогу Варшавскому — именно князь Понятовскій и, графъ Лубенскій: первый, побуждаемый честью воина, второй святостью присяги данной своему Монарху. Другіе министры остались въ краѣ и изъ нихъ Матусевичъ и Мостовскій сносились даже съ Государемъ Императоромъ. Послѣ пораженія Наполеона I сначала Россіей, а потомъ коалиціею, подъ верховнымъ предводительствомъ Русскаго Императора, Александръ I предлагалъ генералу Костюшкѣ, начальнику возстанія 1794 г., стать во главѣ прави-

---

[1] Полное собраніе законовъ т. XXXII, No. 25289.

[2] Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie 1864, стр. 219.

тельства въ его прежнемъ отечествѣ, которое Онъ предполагалъ возстановить подъ скипетромъ Русскихъ Императоровъ и навсегда неразрывными узами соединить съ Россіею.

Послѣ окончанія войны, Императоръ Александръ I заключилъ 21 Апрѣля — 3 Мая 1815 г.[1] договоръ съ Пруссіей и Австріей, приведенный въ послѣднемъ актѣ Вѣнскаго Конгресса 9-го Іюня 1815 г.[2] Въ силу этого трактата, Пруссіи была возвращена часть Герцогства Варшавскаго; относительно остальной части Онъ заявилъ, что таковое «присоединяется къ Имперіи Россійской. Оно въ силу своей Конституціи, будетъ въ неразрывной съ Россіею связи и во владѣніи Его Величества Императора Всероссійскаго, наслѣдниковъ его и преемниковъ на вѣчныя времена.» Императоръ сохраняетъ за собою право «даровать по своему благоусмотрѣнію внутреннее распространеніе сему Государству, имѣющему состоять подъ особымъ управленіемъ.» Затѣмъ этими трактатами предусматривается полная амнистія полякамъ подданнымъ трехъ договаривающихся государствъ, принимавшимъ участіе во всѣхъ предыдущихъ войнахъ. Наконецъ, въ нихъ же обусловлено, что поляки, подданные всѣхъ трехъ государствъ «будутъ имѣть народныхъ Представителей и національныя Государственныя Учрежденія, согласныя съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, который каждымъ изъ Правительствъ будетъ признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для нихъ въ кругу его владѣній.» Отношенія же поляковъ, подданныхъ всѣхъ трехъ государствъ, между собою были обезпечены въ этихъ трактатахъ ручательствомъ договаривающихся сторонъ такимъ образомъ, что, хотя поляки дѣлаются подданными различныхъ государствъ, но правительствами этихъ государствъ они будутъ признаваемы за одинъ народъ.

Императоръ Александръ I дѣйствуя, согласно принятымъ

---

[1] Полное собраніе законовъ, т. XXXIII, No. 25824.

[2] Martens, т. I, стр. 397.

на себя въ только что упомянутомъ трактатѣ обязательствамъ, назвалъ Царствомъ Польскимъ часть Герцогства Варшавскаго, невозвращенную Пруссіи, и даже даровалъ этому краю 15/27 Ноября 1815 г. весьма либеральную конституцію. Намѣстникомъ Царства Польскаго былъ назначенъ генералъ Заіончекъ, товарищъ по оружію князя Іосифа Понятовскаго и Костюшки и участникъ всѣхъ наполеоновскихъ походовъ, начиная съ италіанскаго и египетскаго и кончая кампаніей 1812 г. Многіе польскіе государственные дѣятели прежняго правительства Рѣчи Посполитой заняли высокіе посты. Обѣщанная трактатами амнистія была доведена до столь широкихъ размѣровъ, что войско Герцогства Варшавскаго, возвращенное изъ Франціи, было преобразовано въ польское войско и удостоено назначеніемъ въ вожди брата Государя, Великаго Князя Константина Павловича, тогда еще наслѣдника Россійскаго престола.

Одна только и то неясно выраженная статья Вѣнскаго трактата, которой Императоръ Александръ I сохранялъ за собою право «даровать по своему благоусмотрѣнію внутренное распространеніе сему государству» осталась безъ всякаго примѣненія. Поляки думали, что въ этой именно выражено обѣщаніе присоединить одновременно западныя губерніи къ Царству Польскому, чего они искренно желали. Да къ тому же имѣлись данныя, позволявшія имъ питать такую надежду, а именно: назначеніе Великаго Князя Вождемъ Польскаго войска, и порученіе ему одновременно начальства надъ Литовскимъ и Волынскимъ полками русской арміи. Дѣло въ томъ, что русская армія въ то время имѣла мѣстную организацію, такъ что солдаты и офицеры Литовскаго и Волынскаго полковъ были родомъ изъ этихъ прежнихъ польскихъ провинцій. Кромѣ того, послѣ открытья заговора декабристовъ, обвиненные въ участіи въ этомъ заговорѣ поляки, родомъ изъ западныхъ губерній, а потому не подлежавшіе судамъ Царства Польскаго, по распоряженію Императора Николая I-го были преданы верховному суду польскаго сейма. Надежды на то, что западныя губерніи

когда либо могутъ быть соединены съ Царствомъ Польскимъ, до такой степени укоренилось въ полякахъ, что временное польское правительство, образовавшееся въ Варшавѣ, тотчасъ же послѣ взрыва революціи 1830 г., только объ этомъ и ходатайствовало передъ Государемъ въ поданной Ему просьбѣ. Такая же просьба на ВЫСОЧАЙШЕЕ Имя была редактирована дворянствомъ Подольской губерніи, на выборахъ въ 1862 г. и въ этомъ же году подана Императору Александру II графомъ Андреемъ Замойскимъ, принятымъ Государемъ очень милостиво.

Отношенія между Россіей и Поляками, установившіяся съ 1815 г., начали осложняться вслѣдствіе иностраннаго вліянія. На первыхъ же порахъ по примѣру, образовавшейся въ французской палатѣ оппозиціонной партіи, руководимой Веніаминомъ Констаномъ, въ Варшавскомъ сеймѣ образовалась партія, называемая «Kaliska», которая оппонировала правительству только ради оппозиціи, чѣмъ много помѣшала проведенію весьма полезныхъ законопроектовъ. Впрочемъ Правительство Царства Польскаго, хотя несомнѣнно старалось какъ можно лучше управлять этимъ краемъ, въ чемъ ему сильно помогала русская государственная казна весьма значительными денежными авансами, не всегда однако поступало согласно конституціи. Оно, напр. ни разу не представило сейму бюджета, а устанавливало подати, заключало займы и продавало государственныя имѣнія безъ предварительнаго утвержденія сейма. Сверхъ того, оно допускало несогласныя съ судебными уставами конституціи дѣйствія слѣдственныхъ коммиссій не только по дѣламъ политическимъ, но даже по проступкамъ противъ общаго права.

Другимъ заграничнымъ вліяніемъ, вредно отозвавшимся на этихъ отношеніяхъ, было развитіе во всей Западной Европѣ карбонаризма и тайныхъ обществъ. Впервые среди поляковъ эти общества появились между студентами Виленскаго университета и имѣли скорѣе характеръ литературно-мечтательный,

чѣмъ политическій. Но вмѣсто того чтобы предоставить университетскому начальству, полицейскимъ и судебнымъ властямъ покончить это дѣло, командированный для разслѣдованія его Новосильцевъ, бывшій потомъ Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, и большой антагонистъ князя Адама Чарторискаго еще съ того времени, когда они оба состояли при Великомъ Князѣ, впослѣдствіи Императорѣ Александрѣ I-омъ, воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы сдѣлать непріятность князю Чарторискому своимъ строгимъ обхожденіемъ со студентами, къ которымъ князь, будучи попечителемъ Виленскаго университета, относился всегда съ отеческой любовью.

Въ Варшавѣ же поводами къ столь распространенной въ то время модѣ составлять заговоры, служили съ одной стороны дѣйствія слѣдственныхъ коммиссій, съ другой извѣстная непослѣдовательность въ обращеніи Великаго Князя Константина Павловича, которое нѣкоторыхъ изъ подчиненныхъ ему офицеровъ довело до самоубійства. Въ Варшавѣ такимъ образомъ составился заговоръ, въ которомъ приняли участіе нѣсколько офицеровъ, воспитанники школы подхоронжихъ (подпрапорщиковъ) и многіе изъ студентовъ Варшавскаго университета. Совѣщанія этихъ заговорщикокъ, навѣрное не привели бы ни къ какому результату, такъ какъ они врядъ ли могли бы выработать сколько нибудь обстоятельную программу дѣйствій, а тѣмъ менѣе подготовить средства для осуществленія своихъ намѣреній. Доказательствомъ ихъ неспособности служитъ тотъ фактъ, что во время революціи, ими вызванной, они не только не съумѣли захватить власть, но даже не сдѣлали въ этомъ направленіи никакихъ попытокъ.

Но 29 Іюля 1830 г. въ Парижѣ вспыхнула революція, лишившая Бурбоновъ французскаго престола, возвращеннаго имъ побѣдоносными русскими войсками въ 1815 г. 20 Августа того же года возстала Бельгія, съ намѣреніемъ отдѣлиться отъ Голландіи, въ которой наслѣдницею престола была сестра Императора Николая I-го. Императоръ, всегда рѣшительный,

если дѣло касалось спасенія находящихся въ опасности троновъ, приготовился въ союзѣ съ Пруссіей и Австріей къ войнѣ съ Франціей и Бельгіей. Между тѣмъ, тайныя общества, которыя довели эти оба государства до революціи и которыя поддерживали сношенія съ тайными обществами всего міра, а слѣдовательно съ варшавскими, для предохраненія своихъ территорій отъ этой предполагаемой войны, побудили варшавскихъ заговорщиковъ начать дѣйствовать, и 29 Ноября 1830 г. въ Варшавѣ вспыхнула революція.

Возстаніе началось съ того, что одна часть заговорщиковъ выломала ворота варшавскаго арсенала и роздала толпѣ находившееся тамъ оружіе, другая же устремилась въ Бельведерскій дворецъ, въ которомъ жилъ Великій Князь Константинъ Павловичъ.

Насколько извѣстно, заговорщики никогда и не думали посягать на жизнь Великаго Князя, а только хотѣли задержать его, какъ заложника и этимъ принудить Императора-Короля дать Царству Польскому еще большія льготы, а равно ограничить самовольныя дѣйствія полиціи и слѣдственныхъ коммиссій по политическимъ дѣламъ. Нападеніе на Бельведерскій дворецъ не было, по всей вѣроятности, такъ сильно, если его могъ остановить и такимъ образомъ разрушить всѣ планы заговорщиковъ одинъ человѣкъ, вице президентъ или оберъ полицмейстеръ города Варшавы, Любовидскій, прибывшій въ Бельведеръ раньше ихъ, съ цѣлью предупредить Великаго Князя о безпорядкахъ въ городѣ. Онъ одинъ удержалъ всю ворвавшуюся во дворецъ молодежь и хотя израненный, онъ принужденъ былъ уступить, тѣмъ не менѣе Великому Князю удалось въ это время переѣхать на виллу Сельце, отстоящую всего только въ версту отъ города.

Между тѣмъ возбуждаемая заговорщиками уличная толпа вооружившись захваченнымъ изъ арсенала оружіемъ и не встрѣчая на своемъ пути никакого сопротивленія, разбила нѣсколько винныхъ складовъ, разграбила кассу Интенданства

русскихъ войскъ, находившихся въ Варшавѣ, и также кассу нѣкоего Новаховича, откупщика весьма непопулярнаго въ Варшарѣ налога на съѣстные припасы. Въ грабежѣ этихъ кассъ подозрѣвались въ то время также и служащіе въ этихъ учрежденіяхъ. Наконецъ возбужденная толпа встрѣтивъ на улицѣ нѣсколько офицеровъ и чиновниковъ идущихъ на службу, напала на нихъ и семерыхъ изъ нихъ избила до смерти: нѣкоторые изъ убитыхъ не были даже непопулярны въ городѣ. Этимъ и ограничились уличныя буйства.

При первомъ извѣстіи о революціи всѣ войска, какъ польскія, такъ и русскія, находящіяся въ Варшавѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ отрядовъ, удержанныхъ офицерами учавствовавшими въ заговорѣ, заняли мѣста на площадяхъ, назначенныхъ по регламенту на случай тревоги, и ожидали тамъ надлежащихъ распоряженій.

Въ свою очередь всѣ министры и члены Административнаго Совѣта, собрались въ туже ночь въ помѣщеніи Польскаго Банка, будучи увѣдомлены, что тамъ находится отрядъ войска, вытребованный управленіемъ банка для охраны его денежной кассы. Они тотчасъ же послали за приказаніями къ Великому Князю, голосъ котораго, какъ брата Государя, имѣлъ, конечно всегда рѣшающее значеніе во всѣхъ постановленіяхъ правительства; въ данный же моментъ его распоряженія были безусловно необходимы для войска. За этими приказаніями къ Великому Князю нѣсколько разъ ездилъ его адъютантъ, графъ Владиславъ Замойскій, впослѣдствіи одинъ изъ главныхъ организаторовъ польской эмиграціи, который умолялъ Великаго Князя принять энергическія мѣры. И въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ извѣстіе о революціи, было принято почти всѣмъ обществомъ съ крикомъ: «о, какое это несчастье!» Но Великій Князь въ первый моментъ отвѣтилъ только, что всю эту исторію поляки должны окончить между собою. Поэтому, Онъ строжайше запретилъ русскимъ войскамъ вмѣшиваться въ это дѣло и даже приказалъ имъ поки-

нуть Варшаву; по отношенію же польскихъ войскъ онъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій. И только на четвертый день, т. е. 3 Декабря 1830 г. по новому стилю, онъ извѣстилъ Административный Совѣтъ, что передаетъ ему главное командованіе надъ польскимъ войскомъ, а самъ съ русскими полками покидаетъ Царство Польское.

Нападеніе на Бельведерскій дворецъ, въ которомъ проживалъ братъ Государя, заговоръ, разграбленіе арсенала, раздача народу оружья, уличныя буйства, грабежъ правительственной кассы, раны, нанесенныя Любовидскому и убійства семи человѣкъ составляли преступленія, предусмотренныя закономъ и подлежали преслѣдованію установленнымъ порядкомъ. Но отказъ Великаго Князя дать распоряженія войскамъ оказать содѣйствіе полиціи, сильно ослабилъ энергію министровъ и членовъ Административнаго Совѣта; бездѣятельность же правительства въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ дней и безнаказанность первыхъ выходокъ, дала возможность заговорщикамъ устраивать шумныя сходки и организовать дѣло революціи.

4-го Декабря 1830 г. Административный Совѣтъ учредилъ временное правительство, подъ предсѣдательствомъ члена этого совѣта князя Адама Чарторискаго. Первымъ и единственнымъ дѣломъ сего правительства было отправленіе въ Петербургъ Министра Финансовъ князя Друцкаго-Любецкаго и посла на сеймъ графа Яна Езерскаго съ просьбою къ Государю о присоединеніи 9-ти западныхъ губерній къ Царству Польскому, о чемъ безъ сомнѣнія, Императоръ Александръ I неоднократно бесѣдовалъ въ свое время съ княземъ Чарторискимъ. Больше правительство сдѣлать ничего не успѣло, такъ какъ на слѣдующій день одинъ изъ ветерановъ польской арміи, генералъ Хлопицкій, почти насильно принужденный къ этому революціонерами, объявилъ себя диктаторомъ.

Генералъ Хлопицкій, какъ опытный военный, не предавался никакимъ иллюзіямъ относительно возможности путемъ войны вернуть независимость Польши и поэтому ничего не

предпринималъ для увеличенія и мобилизаціи польскаго войска. Онъ послалъ только Государю письмо, прося Его отнестись милостиво и благосклонно къ просьбѣ, принесенной временнымъ правительствомъ и созвалъ сеймъ, который 20 Декабря 1830 г. издалъ манифестъ съ перечисленіемъ всѣхъ обидъ — Gravamina — нанесенныхъ Польскому народу, но о возстаніи въ этомъ манифестѣ еще не было сказано ни слова.

Между тѣмъ Императоръ Николай I совсѣмъ не принялъ министра Финансовъ, князя Друцкаго-Любецкаго, какъ чиновника, пріѣхавшаго въ Петербургъ безъ офиціальнаго отпуска; съ посломъ же графомъ Езерскимъ, напротивъ, Онъ былъ предупредительно вѣжливъ, но о привезенной имъ просьбѣ временнаго правительства Государь съ нимъ совсѣмъ не разговаривалъ. Въ Манифестѣ же Своемъ отъ 5/17 Декабря 1830 г.[1] Онъ повелѣлъ польскому войску собраться около Плоцка и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій, всѣхъ же жителей Царства Польскаго призвалъ къ порядку и къ повиновенію властямъ, и закончилъ манифестъ словами, обращенными къ заговорщикамъ: «бѣдствія, которыя они приготовили своему отечеству падутъ на главы ихъ». Русскія войска вступили въ Царство Польское 20 Декабря—1 Января 1830/31 г.

Одновременно съ этимъ въ Варшаву приходили извѣстія о томъ, что во французской палатѣ по адресу поляковъ произносятся весьма сочувственныя рѣчи, что сильно повліяло на подъемъ патріотическаго духа въ польскомъ обществѣ. 24 Января 1831 г. генералъ Хлопицкій сложилъ съ себя не только званіе главы правительства, въ которомъ его утвердилъ созванный уже въ то время сеймъ, но даже отказался отъ командованія войскомъ. Такимъ образомъ, началась война, которая впервые велась по всѣмъ правиламъ военной тактики. Войска обѣихъ сторонъ сражались съ одинаковою храбростью, но безъ малѣйшей примѣси національной ненависти.

---

[1] Полное собраніе законовъ, т. V, No. 4183.

Въ исходѣ этой войны, которую весьма обстоятельно описалъ генералъ Пузыревскій, нельзя было сомнѣваться. Послѣднія минуты революціоннаго правительства были омрачены насиліями, произведенными въ Варшавѣ 15 Августа 1831 г. возбужденной заговорщиками толпой надъ заподозрѣнными, но въ дѣйствительности невинными жертвами. 7 Сентября 1831 г. по новому стилю Варшава, послѣ двухдневнаго сраженія подъ ея стѣнами, сдалась на капитуляцію, а 5 Октября по новому стилю того же года остатки польскаго войска покинули территорію Царства Польскаго и были разоружены прусскими властями, при переходѣ черезъ границу. Такая же участь постигла и другіе отряды польскаго войска, искавшаго пріюта на австрійской территоріи.

Тотчасъ же послѣ окончанія этой войны Императоръ Николай I, въ ВЫСОЧАЙШИМЪ Манифестѣ отъ 6 Октября 1831 г.[1] въ слѣдующихъ словахъ объявилъ всѣмъ вѣрноподданнымъ о своихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ относительно Польши: «Россіяне. Съ помощью Небеснаго Промысла, мы довершимъ то, что начало Нашими храбрыми войсками. Время и попеченія Наши истребятъ сѣмена несогласій, столь долго волновавшихъ два соплеменные народа. Въ возвращенныхъ Россіи подданныхъ Нашихъ Царства Польскаго вы также будете видѣть лишь членовъ единаго съ вами великаго семейства. Не грозою мщенія, а примѣромъ вѣрности, великодушія, забвенія обидъ вы будете способствовать успѣху предначертанныхъ Нами мѣръ, тѣснѣйшему и твердому соединенію сего края съ прочими областями Имперіи. Сей Государственный союзъ къ утѣшенію Нашему, ко славѣ Россіи да будетъ всегда охраняемъ и поддерживаемъ чувствомъ любви къ одному Монарху, однѣхъ нераздѣльныхъ потребностей и пользъ и общаго никакимъ раздоромъ не возмущаемаго счастія.»

Еще до обнародованія этого манифеста 23 Мая 1831 г.[2]

[1] Полное собраніе законовъ, т. VI, No. 4850.

[2] Полное собраніе законовъ, т. VI, No. 4624.

Императоръ соизволилъ подписать амнистью для жителей западныхъ губерній, поднявшихъ оружіе въ войнѣ 1831 г., 1-го же Ноября того года онъ объявилъ амнистью также и жителямъ Царства Польскаго. Эти амнистіи не распространялись на зачинщиковъ революціи 29 Ноября 1830 г., на нападавшихъ на Бельведерскій дворецъ, на виновниковъ произведенныхъ въ этотъ день убійствъ, и на офицеровъ корпусовъ удалившихся по окончаніи войны въ Австрію и Пруссію.

Для осужденія и наказанія лицъ изъятыхъ изъ подъ амнистіи, за исключеніемъ офицеровъ корпусовъ удалившихся заграницу, вмѣсто предусмотрѣннаго конституціей верховнаго суда для политическихъ преступинковъ, былъ 13/25 Февраля 1832 г. назначенъ особый судъ, который разсматривалъ обвиненія противъ значительнаго числа лицъ, присутствующихъ въ краѣ, и противъ 265 отсутствующихъ. Приговоръ этого суда ВЫСОЧАЙШИМЪ указомъ отъ 4/16 Сентября 1834 г. по отношеніи первыхъ былъ смягченъ, а относительно лицъ второй категоріи, изъ которыхъ 262 ч. было приговорено къ смертной казни, оставленъ безъ измѣненія. Въ силу этого приговора были также конфискованы имѣнія всѣхъ осужденныхъ, хотя по конституціи 15/27 Ноября 1825 г., законъ о конфискаціяхъ былъ упраздненъ и вторично не долженъ былъ никогда возобновляться.

Наказанія, къ которымъ были приговорены эти 265 человѣкъ, запрещеніе указами отъ 20-го, 28-го Сентября и 1-го Октября 1831 г. возвращаться на родину всѣмъ офицерамъ польскихъ войскъ, удалившихся въ Пруссію и Австрію, и изъятіе ихъ изъ подъ амнистіи, принудили этихъ нѣсколько тысячъ, преимущество молодыхъ людей, которымъ упомянутыя государства не позволяли долѣе оставаться на своихъ территоріяхъ, перекочевать во Францію. Французское правительство, чувствуя себя можетъ быть до нѣкоторой степени виновнымъ за подстреканія и обнадеживанія польскихъ революціонеровъ, назначило субсидію тѣмъ изъ эмигрантовъ, которые не имѣли

средствъ къ существованію. А такихъ было большинство, такъ какъ, принадлежа къ классу, получившему среднее или высшее образованіе, они не были способны къ физическому труду, и для конкурренціи съ Французами въ умственной сферѣ не были достаточно подготовлены. Эта субсидія французскаго правительства соединила польскихъ эмигрантовъ въ одну семью, занимавшуюся исключительно политикой.

Одновременно почти съ окончаніемъ суда надъ виновными было приступлено къ преобразованію уставовъ Царства Польскаго. 12/24 Октября 1831 г. было образовано временное правительство. Конституція 15/27 Ноября 1815 г. была уничтожена и замѣнена такъ называемымъ «Органическимъ статутомъ 14/26 Февраля 1832».[1] Сеймы были упразднены, но этимъ статутомъ устанавливались съѣзды шляхты (дворянскія собранія), городскія, гминныя и окружныя собранія и совѣты воеводствъ, получавшіе широкія полномочія въ вопросахъ, касающихся управленія краемъ; между прочимъ къ ихъ компетенціи относилась обязанность избирать судей и представлять кандидатовъ на административныя должности. Въ статутѣ было сказано, что эти именно «собранія и совѣты наиболѣе могутъ соотвѣтствовать истиннымъ пользамъ и положенію сего края, мѣстнымъ потребностямъ онаго и навыкамъ жителей». Несмотря на это, ни одно изъ названныхъ собраній и совѣтовъ никогда не было созвано и организовано. Правительство впослѣдствіи отступило даже отъ началъ, указанныхъ въ этомъ органическомъ статутѣ и м. пр., не предавало соотвѣтственнымъ судамъ вообще, а тѣмъ менѣе въ указанный статутомъ трехдневный срокъ лицъ, задержанныхъ по подозрѣнію въ политическихъ преступленіяхъ и даже обыкновенныхъ проступкахъ противъ общаго права.

Въ западныхъ губерніяхъ, несмотря на амнистію, объявленную въ ВЫСОЧАЙШЕМЪ Манифестѣ отъ 23 Мая 1831 г.[2]

[1] Полное собраніе законовъ, т. VI, No. 5165.

[2] Полное собраніе законовъ, т. VI, No. 4624.

всѣмъ лицамъ, принимавшимъ участье въ событіяхъ вызванныхъ войною 1831 г., у шляхты было отнято право избранія многихъ административныхъ чиновниковъ; для разбирательства политическихъ дѣлъ имѣлись военные и административные суды. Число лицъ приговоренныхъ къ разнымъ наказаніямъ за участіе въ войнѣ 1831 г. въ западныхъ губерніяхъ было больше, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ, несмотря на то, что жители этихъ губерній принимали сравнительно малое участіе въ этомъ движеніи. Имуществъ было тамъ конфисковано гораздо больше, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ и конфискація распространялась не только на тѣ имѣнія, которыми владѣли осужденные, но и на тѣ, которыя могли въ будущемъ перейти къ нимъ по наслѣдству. Кромѣ того въ силу простаго административнаго распоряженія изъ этихъ губерній было переселено въ глубь Россіи на постоянное жительство около 45,000 семействъ мелкой шляхты, противъ которой имѣлось развѣ одно подозрѣніе въ политической неблагонадежности.

Между тѣмъ, польская эмиграція, весьма внимательно наблюдая за ходомъ дѣлъ въ краѣ, заявляла протесты противъ дѣйствій правительства и выражала порицаніе жителямъ, которые повидимому добровольно примирились съ положеніемъ вещей. Оказываемое такими дѣйствіями эмиграціи вліяніе на настроеніе поляковъ, было вполнѣ аналогично съ тѣмъ, какое имѣли въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія на русское общественное мнѣніе Герценъ и «Колоколъ». — Кромѣ того польскіе эмигранты, занимающіе видное общественное положеніе, пользовались своими связями для того, чтобы вызвать во французскомъ и англійскомъ парламентахъ болѣе или менѣе единогласное порицаніе дѣйствіямъ русскаго правительства въ прежнихъ польскихъ владѣніяхъ и поддерживали этимъ въ полякахъ тщетную надежду, что рано или поздно иностранныя государства потребуютъ окончательнаго признанія правъ польскаго народа, тѣмъ болѣе, что они были гарантированы вѣнскимъ трактатомъ 1815 г. Большинство же этихъ эмигран-

товъ, влача скудное и бездѣятельное существованіе, постоянно раздумывали надъ средствами возобновленія борьбы за независимость отечества и наводняли край эмиссарями для организаціи заговоровъ и возстаній. Бдительность властей не допустила осуществленія этихъ плановъ въ прежнихъ польскихъ провинціяхъ, но за то тамъ производились постоянные аресты и слѣдствія, и приводились въ исполненіе приговоры военныхъ судовъ и административныхъ властей, присуждающіе виновныхъ къ смертной казни или къ ссылкѣ.

Только во время крымской войны польскіе эмигранты доказали присутствіе въ своихъ дѣйствіяхъ благоразумія и разсудительности. Когда французское правительство пожелало воспользоваться вліяніемъ эмигрантовъ на возбужденіе въ Польшѣ новаго возстанія, которое бы отвлекло въ сторону значительную часть русскихъ силъ и въ вознагражденіе за такую услугу обѣщало хлопотать по окончаніи войны о возстановленіи Варшавскаго герцогства, въ предѣлахъ Царства Польскаго, 1815 г., — то они не только отказались отъ всякаго участія, но даже старались и не безуспѣшно удержать свое отечество въ состояніи полнаго спокойствія. Они заявили французскому правительству, что такое Варшавское герцогство неизбѣжно сдѣлалось бы гнѣздомъ всяческихъ аспиранцій — вновь пріобрѣсти польскія провинціи, находившіяся во владѣніи трехъ державъ, а это въ свою очередь поставило бы эти державы въ необходимость опять раздѣлить между собою это возникшее такимъ образомъ маленькое государство, и что для такого результата Польшѣ не стоитъ производить возстанія.

Однако, уже на конференціяхъ созванныхъ въ Вѣнѣ послѣ паденія Севастополя и вступленія на престолъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II и затѣмъ на Парижскомъ конгрессѣ, уполномоченные государствъ затронули польскій вопросъ и. получили отъ русскихъ уполномоченныхъ увѣренія въ наимилостивѣйшихъ намѣреніяхъ Русскаго ИМПЕРАТОРА относительно поляковъ. Хотя означенныя заявленія, согласно желанію рус-

скихъ уполномоченныхъ не были внесены въ офиціальные протоколы засѣданій, но объ нихъ стало извѣстно изъ рѣчей, произнесенныхъ въ англійскомъ парламентѣ. Онѣ также обратили вниманіе ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II на польскій вопросъ въ Россіи и побудили Его къ посѣщенію Вильны и Варшавы.

Поляки надѣяли, что Императоръ во время своего путешествія подтвердитъ имъ то, въ чемъ увѣряли русскіе уполномоченные на Парижскомъ Конгрессѣ. За нѣсколько времени до отъѣзда изъ Петербурга, Государь спросилъ министра Статсъ-Секретаря Царства Польскаго Туркула, почему органическій статутъ, дарованный Царству Польскому еще въ 1832 г., не былъ введенъ до сихъ поръ, т. е. до 1856 г. Болѣзнь министра помѣшала ему выработать отвѣтъ на этотъ вопросъ а также и сопровождать Государя въ его путешествіи.

Вскорѣ послѣ этого посѣщенія Государемъ Варшавы Министръ Туркулъ умеръ, не давъ Государю отвѣта о причинахъ не введенія органическаго статута 1832 г. Въ Царствѣ Польскомъ и въ Западныхъ губерніяхъ все осталось по прежнему, кромѣ состава лицъ, стоявшихъ во главѣ мѣстнаго управленія краемъ. Князь Паскевичъ, намѣстникъ Царства Польскаго и два Бибикова, генералъ Губернаторы Вильны и Кіева, весьма энергичные и даже суровые дѣятели, были замѣнены людьми съ болѣе мягкимъ характеромъ: княземъ Михаиломъ Горчаковымъ, Назимовымъ и княземъ Васильчиковымъ, что вполнѣ соотвѣтствовало проявившемуся тогда же во всемъ либеральному направленію, особенно сильно выразившемуся при разработкѣ положеній объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи.

Крестьянскій вопросъ для Царства Польскаго былъ менѣе жгучимъ, чѣмъ для Имперіи, такъ какъ уже съ 1807 г., т. е. послѣ образованія герцогства Варшавскаго, крѣпостное право въ Польшѣ было уничтожено. Но крестьяне не были въ то время надѣлены землею, которую они издавна обработывали, и которая вопреки даже національнымъ традиціямъ, считалась собственностью помѣщика. На практикѣ, однако, за весьма

малыми исключеніями, ею владѣли крестьяне, продолжая обрабатывать барщину, но уже не въ видѣ обязательства, а въ годъ добровольно, хотя негласно заключаемыхъ сдѣлокъ. Такой порядокъ былъ измѣненъ ВЫСОЧАЙШИМЪ указомъ отъ 26 Мая — 7 Іюня 1846 г. У помѣщиковъ отнято было право присоединять къ своимъ имѣніямъ крестьянскія земли; барщина же была установлена обязательной и неизмѣнной. Время однако показало, что эта неизмѣнность барщиннаго обязательства была одинакого обременительна какъ для крестьянъ такъ и для помѣщиковъ, въ виду чего Правительство признало необходимымъ устранить эти неудобства и для лучшаго ознакомленія съ вопросомъ потребовало мнѣнія отъ вновь учрежденнаго Земледѣльческаго Общества. Запросъ, сдѣланный правительствомъ въ столь важномъ дѣлѣ, имѣющемъ не только экономическій, но и соціальный характеръ, и явившаяся у поляковъ надежда повліять этимъ путемъ на законодательство, чего край былъ лишенъ уже почти 30 лѣтъ, придала этому учрежденію въ глазахъ всего образованнаго общества такое значеніе, котораго бы оно не имѣло, если бы исключительно занималось вопросами земледѣлья.

И иныя обстоятельства очень сильно дѣйствовали на настроеніе поляковъ. Сербія и Румынія, недавно обязанныя Россіи освобожденіемъ отъ многовѣковаго турецкаго ига, начинали жить политической жизнью; съ другой стороны, Императоръ Наполеонъ III помогъ Піемонту пріобрѣсти Ломбардію и при этомъ провозгласилъ новую въ міровой политикѣ теорію «національныхъ правъ». Давнія мечтанія италіянскихъ патріотовъ объ освобожденіи Италіи изъ подъ чуждаго владычества и ея объединеніи, начали осуществляться. Мацини и Гарибальди, до того политическіе узники, не только получили свободу, но и сдѣлались самыми популярными людьми въ Европѣ. И въ Польшѣ молодежь и менѣе благоразумная часть общества пошла также по ихъ слѣдамъ: начала составлять заговоры и агитировать.

Послѣ Коронаціи Императора Александра II въ Польшу вернулись многіе изъ помилованныхъ эмигрантовъ и ссыльныхъ, которые въ теченіе долгихъ лѣтъ своего изгнанія раздумывали не о своихъ винахъ, въ которыхъ они не хотѣли сознаваться, но о своихъ заслугахъ для отечества и о причинахъ своихъ неудачъ. Они возвратились на родину съ твердымъ рѣшеніемъ по прежнему работать надъ осуществленіемъ своихъ многолѣтнихъ мечтаній. Вліяніе ихъ на молодежь, мало опытную и всегда готовую увлекаться, было громадно. Но чтобы придать этой агитаціи значеніе серьезнаго дѣла, надо было привлечь какъ можно больше сторонниковъ. Мацини, одинъ изъ геніальнѣйшихъ агитаторовъ, усиленно рекомендовалъ всѣмъ дѣятелямъ пропаганды стараться подъ различными предлогами собирать народъ на площадяхъ и улицахъ. Съ этого времени въ Варшавѣ начались демонстраціи.

Намѣстники, для предупрежденія этихъ столкновеній между войскомъ и народомъ, неоднократно поручали комитетамъ изъ гражданъ охраненіе общественнаго порядка, что раздражало войско и пріучало народъ къ повиновенію еще и другимъ властямъ, кромѣ правительства.

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ сильнаго напряженія, намѣстникъ Царства Польскаго обратился ко многимъ вліятельнымъ лицамъ въ Варшавѣ съ вопросомъ: «чего же вы желаете?» въ многолюдномъ собраніи земледѣльческаго общества 27 Февраля 1861 г. былъ редактированъ адресъ къ Государю, не совсѣмъ ясно представляющій каковы именно желанія этого народа, въ лицѣ котораго выступило не Земледѣлческое Общество, въ этомъ вопросѣ вовсе не компетентное, а частныя лица, подписавшія этотъ адресъ тутъ-же въ помѣщеніи Общества.

Вскорѣ сравнительно послѣ этого адреса, хотя по всей вѣроятности не въ отвѣтъ на него, Императоръ Александръ II ВЫСОЧАЙШИМЪ указомъ отъ 25 Мая — 7 Юня 1861 г. даровалъ Парству Польскому разныя учрежденія, согласующіяся

отчасти съ уставами органическаго статута 1832 г., а въ слѣдующимъ году, Онъ дополнилъ ихъ еще новыми реформами. Кромѣ того, Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ назначенъ Намѣстникомъ Царства Польскаго, маркизъ же Вѣлепольскій главнымъ его помощникомъ для управленія гражданскою частью въ краѣ.

Но одинъ въ полѣ не воинъ. Лишеніе мѣстнаго элемента, кромѣ чиновничьяго, возможности участвовать не только въ руководительствѣ, но даже въ контролированіи хода общественныхъ дѣлъ, каковое право было дано ему органическимъ статутомъ 1832 г., вызывало со стороны агитаторовъ упреки высшимъ классамъ общества въ томъ, что они до сихъ поръ ничего не сдѣлали для блага своего народа, да и врядъ ли что сдѣлаютъ въ будущемъ. Домогательствамъ этихъ агитаторовъ: не мѣшать имъ попытаться сдѣлать что нибудь для общественнаго блага, можно было противуставить только заявленіе о вѣроятной безполезности и безрезультатности предлагаемыхъ ими мѣръ. Но такія заявленія гласно дѣлать было нельзя въ виду цензуры и строгой отвѣтственности.

Въ началѣ 1863 г. послѣ обявленія о народѣ несогласномъ съ (существующимъ) закономъ, а имѣвшемъ, лишь, цѣлью, какъ по крайней мѣрѣ казалось, удаленіе изъ края лицъ политически неблагонадежныхъ, въ Царствѣ Польскомъ вспыхнуло возстаніе, которое, вскорѣ, хотя и въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, появилось и въ западныхъ губерніяхъ, и этимъ возстаніемъ закончился четвертый періодъ русско-польскихъ отношеній.

Вице-Канцлеръ, князь Горчаковъ, въ своемъ меморандумѣ, отъ 26 Августа 1863 г. приписываетъ фактъ возстанія иностранному вліянію, нельзя однако не замѣтить, что почва была подготовлена также невыполненіемъ ВЫСОЧАЙШЕЙ воли, объявленной въ ВЫСОЧАЙШЕМЪ Манифестѣ отъ 6 Октября 1831 г.[1]

[1] Пол. соб. зак., т. VI, No. 4850.

въ актахъ амнистіи отъ 23 Мая 1831 г.[1] и 1-го Ноября того же года и въ органическомъ статутѣ 14/26 Февраля 1832 г.[2]

Подстрекательства, идущія изъ заграницы, сомнительнаго правда авторитета, но легко находящія почву для довѣрія, какъ отвѣчающія искреннимъ желаніямъ, пріобрѣли весьма большое значеніе въ виду дипломатической переписки Англіи, Франціи, Австріи, Португаліи, Швеціи, Даніи, Голландіи и Италіи, начатой почти одинаковыми нотами отъ 17 Апрѣля 1863 г., оконченной же извѣстнымъ отвѣтомъ Вице-Канцлера князя Горчакова отъ 26 Августа того же года.

Для прекращенія возстанія не было принято никакихъ другихъ мѣръ, кромѣ военной силы, — въ успѣхѣ которой не могло быть никакого сомнѣнія — и опять обѣщаній. Въ манифестѣ отъ 31 Марта — 12 Апрѣля 1863 г.[3] было объявлено ВЫСОЧАЙШЕЕ намѣреніе: «сохранить и нынѣ (т. е. несмотря на возстаніе) эти учрежденія (дарованныя Царству Польскому въ 1861 и 1862 г.) во всей ихъ силѣ и приступить, послѣ того, какъ они будутъ испытаны, къ дальнѣйшему ихъ развитію, соотвѣтственно нуждамъ времени и страны.» Великому Князю Константину Николаевичу, прибывшему въ Варшаву на постъ Намѣстника Царства Польскаго, въ качествѣ предвозвѣстника Наймилостивѣйшихъ намѣреній Государя Императора, было неудобно поручить наказаніе польскаго населенія, не только за самое возстаніе противъ правительства, но и за преступныя дѣйствія начальниковъ возстанія, коими они старались принудить къ нему жителей края. Поэтому Великій Князь былъ отозванъ прежде въ Петербургъ, а затѣмъ 19/31 Октября 1863 г. уволенъ съ поста Намѣстника Царства Польскаго. Но въ ВЫСОЧАЙШЕМЪ рескриптѣ отъ этого числа было сказано: «когда возстаніе будетъ усмирено и когда водворенный порядокъ позволитъ вновь

---

[1] Пол. соб. зак., т. VI, No. 4624.

[2] Пол. соб. зак., т. VI, No. 5163.

[3] Пол. соб. зак., т. XXXVIII, No. 39443.

приступить къ введенію тѣхъ установленій, которыя Нами были дарованы Царству Польскому, и приведеніе въ дѣйствіе которыхъ есть однимъ изъ живѣйшихъ Нашихъ желаній, тогда я буду надѣяться, что Вы (т. е. Великій Князь Константинъ Николаевичъ) вновь будете въ состояніи принять участіе въ выполненіи Нашихъ предначертаній.» Однако по усмиреніи возстанія устройству управленія краемъ было дано другое направленіе.

Въ Царствѣ Польскомъ всѣ выборныя учрежденія, дѣйствія которыхъ и безъ того впрочемъ были неполными, вслѣдствіе объявленія военнаго положенія, перестали функціонировать. Вмѣсто нихъ Учредительный Комитетъ, организованный посланнымъ въ Царство Польское спеціально для этой цѣли Милютинымъ, выработалъ и ввелъ цѣлый рядъ постановленій, въ силу которыхъ вся центральная администрація въ Царствѣ Польскомъ была постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ упразднена, всѣ офиціальныя должности въ краѣ были преобразованы по типу существующихъ въ Имперіи и подчинены соотвѣтствующимъ министерствамъ въ Петербургѣ. Всякій слѣдъ автономіи этого края и участья его жителей въ общественныхъ дѣлахъ пересталъ существовать.

Въ западныхъ же губерніяхъ всѣ политическія права, какими жители ихъ пользовались первоначально наравнѣ съ населеніемъ другихъ частей Имперіи и которыя уже съ 1831 г. были значительно уменьшены, теперь были отъ нихъ совершенно отняты. Кромѣ того, всѣ собственники земельныхъ имуществъ польскаго происхожденія были обложены спеціальными податями (контрибуціей) и лишены всѣхъ существенныхъ гражданскихъ правъ, начиная съ права совершать духовныя завѣщанія, наравнѣ съ каторжными и самоубійцами, и кончая запрещеніемъ распоряжаться своей-же земельною собственностью, въ формѣ-ли дара, обмѣна, покупки земель или даже принятія ихъ въ закладъ.

Наконецъ для всѣхъ русскихъ подданныхъ польскаго

происхожденія, живущихъ не только въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ, но и во всей Имперіи, былъ изданъ цѣлый рядъ распоряженій, проведенныхъ или въ законодательномъ порядкѣ, или же просто административныхъ, въ силу которыхъ доступъ полякамъ въ нѣкоторыя высше-учебныя заведенія совсѣмъ закрыть, въ другія же ограниченъ до весьма малаго процента, а во всѣхъ школахъ сквозитъ систематическое приниженіе въ ученикахъ полякахъ чувства ихъ народности, чувства ихъ вѣры; послѣдствіемъ чего, вмѣсто ожидаемой руссификаціи, является неожиданно потеря въ нихъ сознанія какой либо вѣры, какой либо народности, какого либо авторитета, что, въ свою очередь, фатально ведетъ къ нигилизму, соціализму и уже не къ національному, а интернаціональному, самому вредному для всякаго государственнаго строя. У нихъ также было отнято право служить во многихъ частяхъ войска въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдомства; по желѣзнымъ дорогамъ, даже частнымъ, по телеграфу, — словомъ, поставлены они и въ этомъ отношеніи въ самыя тяжелыя, безвыходныя условія, доводящія, понятно, многихъ просто до отчаянія.

Такое положеніе тянется уже болѣе тридцати лѣтъ, постоянно ухудшаясь. Не было почти года, чтобы къ этимъ ограниченіямъ не было добавлено какихъ либо новыхъ распоряженій или разъясненій.

Въ теченіе этого времени, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ западныхъ губерніяхъ крестяне были надѣлены землею, въ чемъ русскіе публицисты видятъ исключительно заслугу русскаго правительства. Воздерживаясь отъ всякой критики того, какимъ образомъ было выполнено это великое дѣло, ибо, хотя причины выбора способа были чисто политическія, самое дѣло все же имѣетъ характеръ соціальный, я не могу не припомнить, что инициатива освобожденія крестьянъ въ Россіи и надѣленіе ихъ земельными участками въ Царствѣ Польскомъ вышла изъ среды польскаго общества.

VI.

Почему до сихъ поръ не разрѣшенъ Польскій вопросъ въ Россіи?

Разсмотримъ теперъ къ какимъ результатамъ привели усилія, прилагаемыя въ теченіе цѣлаго столѣтія къ разрѣшенію польскаго вопроса въ Россіи?

Сто лѣтъ тому назадъ и русскому правительству и русскому народу захватъ Польши представлялся легко выполнимымъ и выгоднымъ дѣломъ, что впрочемъ могло казаться основательнымъ, такъ какъ присоединеніе обширныхъ территорій, принадлежавшихъ раньше Рѣчи Посполитой досталось Россіи весьма легко и почти безъ всякихъ жертвъ. Нынѣ однакоже, повидимому, польскій элементъ, введенный въ составъ Россійскаго государства, считается и безполезнымъ и даже опаснымъ для могущества и славы Россіи, коль скоро одна часть русскаго общественнаго мнѣнія признаетъ необходимымъ скорѣйшее обрусѣніе этого элемента во всей его совокупности; иначе, говоря, признаетъ необходимымъ изглаженіе въ умахъ и сердцахъ поляковъ, русскихъ подданныхъ, всѣхъ національныхъ традицій и качествъ, свойственныхъ ихъ характеру. Представители этихъ взглядовъ рекомендуютъ, необходимость понизить уровень ихъ просвѣщенія, закрывая передъ ними доступъ въ учебныя заведенія, или ограничивая его до самаго малаго процента; необходимость лишить ихъ обладанія земельной собственностью въ западныхъ губерніяхъ Имперіи; необходимость, наконецъ, отнять у поляковъ многія общественныя служебныя и даже гражданскія права, принадлежащія всѣмъ русскимъ подданнымъ, христіанскаго вѣроисповѣданія.

Но и поляки, русскіе подданные, сто лѣтъ тому назадъ, хотя несомнѣнно скорбѣли объ утратѣ независимости своего отечества, тѣмъ не менѣе старались по мѣрѣ силъ быть по-

лезными Россіи и заслужить довѣріе у своихъ монарховъ, а равно и любовь русскаго народа. Въ настоящее же время, по истеченіе этихъ ста лѣтъ господства надъ ними Россіи, имъ стало ясно, что они совершенно чужіе и странѣ и народу, которымъ они однако de jure принадлежатъ, и нравственное и матеріальное благосостояніе которыхъ должно было бы также и имъ приносить добрые плоды. И они совершенно не видятъ, какимъ путемъ выйти изъ этого положенія, тѣмъ болѣе, что даже немногочисленные между ними отступники отъ своихъ національныхъ традицій и своей вѣры въ глазахъ самихъ русскихъ пріобрѣтаютъ вполнѣ, впрочемъ, заслуженное-презрѣніе и не избавляются отъ вреднаго по теперешнему времени пятна, налагаемаго польскимъ происхожденіемъ.

Можетъ ли считаться успѣшнымъ такой результатъ вѣковой работы надъ разрѣшеніемъ польскаго вопроса въ Россіи?

Конечно — нѣтъ.

Въ чемъ же кроется причина сего неуспѣха — въ лицахъ ли, или, лучше сказать, въ элементахъ, принимавшихъ участіе въ этихъ отношеніяхъ; въ средствахъ ли употребляемыхъ для разрѣшенія этого вопроса, или же въ какихъ нибудь внѣшнихъ вліяніяхъ?

На русско-польскія отношенія въ теченіе истекшаго столѣтія оказывали весьма значительное вліяніе, какъ это мною указано выше, идеи и обстоятельства, независѣвшія отъ воли этихъ двухъ народовъ: наполеоновскія войны, теоріи конституціонализма изъ эпохи Реставраціи во Франціи, дѣйствія карбонаріевъ, распространенныя въ то время по цѣлой Европѣ, освобожденіе Греціи, французская революція 1830 г. дѣятельность польской эмиграціи 1831 г., поддерживаемой французскимъ правительствомъ, италіянская война и появившаяся по этому случаю теорія «національныхъ правъ», освобожденіе Россіею народовъ на Балканскомъ полуостровѣ; интриги иностранныхъ государствъ вовсе не имѣвшихъ серіознаго намѣренія вступиться за поляковъ, но преслѣдовавшихъ подъ ви-

домъ покровительства иныя цѣли, не имѣвшія ничего общаго съ судьбою Польши — и прочее. Указанныя идеи и событія болѣе не повторятся, но, по всей вѣроятности, появятся новыя, которыя въ свою очередь тоже окажутъ вліяніе на элементы, заинтересованные въ разсматриваемомъ мною вопросѣ. Такъ, напримѣръ, сосредоточиваніе правительствами въ своихъ рукахъ сбереженій, дѣлаемыхъ каждымъ народомъ и образованіе такимъ путемъ значительнаго класса рантье, которымъ не нужно ни работать, ни заботиться болѣе или менѣе выгоднымъ помѣщеніи своихъ капиталовъ, вызываетъ повсюду на Западѣ появленіе и развитіе соціалистическихъ идей и партій. Эти партіи стараются вездѣ привлечь сторонниковъ, вводя въ программу проповѣдуемыхъ ими идей наиболѣе популярный въ томъ или другомъ народѣ лозунгъ. Такимъ популярнымъ лозунгомъ въ прежнихъ польскихъ провинціяхъ была идея патріотизма, не разъ уже воодушевлявшая польскій народъ. Затѣмъ, проектъ возстановленія Польши, какъ буфернаго государства между Среднею Европою и Россіею затронутый уже представителями Англіи на Вѣнскомъ конгрессѣ[1], можетъ быть, при возможныхъ дипломатическихъ осложненіяхъ, вновь поднятъ, можетъ вновь наэлектризировать поляковъ и раздражить русскихъ. А сколько современемъ еще появится другихъ идей, новыхъ событій, которыхъ теперь даже и предвидѣть невозможно и помѣшать возникновенію которыхъ будетъ немыслимо? Само собою разумѣется наблюдать за тѣмъ, чтобы онѣ не оказывали пагубнаго вліянія — будетъ дѣломъ и обязанностью правительства. Но наилучшее средство уничтожить такого рода вліянія возможно путемъ оздоровленія всѣхъ взаимодѣйствующихъ въ русско-польскомъ вопросѣ элементовъ, что дало бы имъ силу оказывать должный отпоръ всякимъ вреднымъ внѣшнимъ вѣяніямъ. Подобное же состояніе полнаго здоровья наступитъ только тогда, когда будутъ удовле-

[1] Циркулярная нота лорда Кастльрея отъ 12 Января 1814 г.

творены всѣ истинныя матеріальныя и нравственныя потребности каждаго изъ этихъ элементовъ — правительства, русскаго народа и русскихъ подданныхъ польскаго происхожденія, потребностей, вытекающихъ изъ ихъ характера, не того, который можетъ выработаться въ будущемъ подъ вліяніемъ событій, составляющихъ современную исторію, но того, которымъ обладаютъ оба эти народа и ихъ правительство въ данное время.

Причину неудовлетворительнаго да нынѣ разрѣшенія польскаго вопроса въ Россіи надлежитъ искать между прочимъ и въ самихъ полякахъ. Само политическое благоразуміе и предусмотрительность указывали полякамъ матеріальную невозможность возстановить открытою борьбою съ тремя державами, раздѣлившими прежнюю Польшу, утраченную политическую независимость ихъ отечества. Поэтому во имя простаго здраваго смысла имъ надлежало отказаться отъ всякихъ попытокъ осуществленія этой ихъ завѣтной мечты путемъ возстаній и революцій, не прислушиваться къ подстрекательствамъ и обѣщаніямъ, исходившимъ, какъ отъ разныхъ тайныхъ космополитическихъ обществъ, такъ и изъ дипломатическихъ сферъ. Взамѣнъ же имъ надлежало, пользуясь предоставленными имъ правами, заботиться о постепенномъ улучшеніи ихъ участи и нравственномъ, умственномъ и матеріальномъ развитіи ихъ народности на почвѣ чисто легальной т. е. на почвѣ законовъ тѣхъ странъ, къ какимъ они были присоединены. Подобное убѣжденіе высказывалось неоднократно за все это время болѣе опытными представителями польской интеллигенціи, но къ несчастью по нижеуказаннымъ причинамъ они въ прежнее время не могли имѣть достаточнаго вліянія на массы

Обращаясь засимъ къ характеру правительственной политики по отношенію къ полякамъ за истекшее столѣтіе, нельзя не согласиться, что, безъ сомнѣнія, правительство обязано было при помощи надлежащихъ мѣръ предотвращать нарушеніе политическаго и общественнаго спокойствія, а равно возстановлять нарушенный порядокъ, на стражѣ котораго оно по-

ставлено. Это и было въ достаточной степени сдѣлано правительствомъ въ 1831 и 1863 г. Точно также оно не могло не привлечь къ отвѣтственности виновныхъ въ нарушеніи общественнаго и государственнаго порядка. Но при судѣ надъ ними можно было точно также принять во вниманіе смягчающія вину обстоятельства.

Подобныхъ же обстоятельствъ, смягчающихъ вину поляковъ, русскихъ подданныхъ, было не мало. Прежде всего, стремленіе каждаго народа, пріобрѣсти или возстановить свою независимость, вполнѣ естественно. И Великое Княжество Московское было когда-то подъ татарскимъ игомъ, и его Цари присягали ханамъ Золотой Орды. А между тѣмъ, память тѣхъ именно Царей, которые нарушили эту присягу и упорною и геройскою борьбою возстановили независимость своего отечества, чтитъ съ благодарностью вся Россія, въ теченіе уже многихъ вѣковъ. А наконецъ, и въ нынѣшнемъ столѣтіи сама же Россія неоднократно всѣмъ своимъ могуществомъ приходила на помощь христіанскимъ народамъ Балканскаго полуострова, возставшимъ противъ законнаго владычества турецкихъ султановъ. Это именно столь естественное стремленіе возстановить самостоятельность отечества побуждало неопытную и неумѣренную часть польской молодежи къ заговарамъ, и возстаніямъ, при чемъ болѣе опытные представители польскаго общественнаго мнѣнія не могли, а отчасти и не осмѣлились сопротивляться молодежи въ 1830 г., потому что, принадлежа къ поколѣнію, которое помнило Польшу еще свободной, они чувствовали себя отвѣтственными въ томъ, что эту ея независимость недостаточно защищали; въ 1863 же году, отстраненные въ теченіе свыше тридцати лѣтъ отъ всякаго участія въ управленіи краемъ, они уже были лишены надлежащаго нравственнаго авторитета, съ другой же стороны не съумѣвъ выхлопотать у правительства какихъ либо правъ для своего народа, они не пользовались его довѣріемъ настолько, чтобы руководить его мнѣніями и дѣйствіями. Это отстраненіе

мѣстныхъ элементовъ отъ общественной дѣятельности и вызвало появленіе тѣхъ «мечтаній», въ которыхъ Императоръ Акександръ II упрекалъ поляковъ и сдѣлало борьбу съ этими «мечтаніями» почти невозможной. Реформы 1861 и 1862 г. явились слишкомъ поздно.

При этомъ считаю необходимымъ обратить вниманіе, что Русскіе Государи всегда принимали во вниманіе обстоятельства, смягчающія вину возставшихъ противъ нихъ поляковъ и послѣ каждой подобной вспышки въ странѣ они объявляли амнистіи въ манифестахъ 1812, 1831, 1856, 1863, 1866 г. и послѣдующихъ, кончая ВЫСОЧАЙШИМЪ Манифестомъ по случаю бракосочетанія, нынѣ благополучно Царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Если же даруемыя Ими амнистіи были недостаточны, то въ этомъ надлежитъ винить совѣтниковъ Монарховъ.

Готовность Государей къ дарованію амнистій служила доказательствомъ не только Ихъ великодушія, но и большаго политическаго такта. Какъ по окончаніи воинъ съ сосѣдними государствами мирные договоры, заключаемые между ними, превращаютъ самыхъ непримиримыхъ враговъ въ полезныхъ союзниковъ, такъ точно по прекращеніи внутреннихъ неурядицъ, амнистіи и соотвѣтствующія реформы зачастую дѣлаютъ изъ заговорщиковъ и мятежниковъ вѣрныхъ подданныхъ и полезнѣйшихъ слугъ своихъ монарховъ.

Выше я употребилъ выраженіе «и соотвѣтствующія реформы» и указалъ на нихъ, какъ на одно изъ условій превращенія заговорщиковъ, даже мятежниковъ въ вѣрныхъ слугъ престола. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ нѣтъ дѣйствія безъ причины. И если къ составленію заговоровъ противъ существующаго общественнаго порядка при величайшей личной опасности — извѣстную группу людей можетъ побудить болѣзненный фанатизмъ, дурно понятное честолюбіе или легкомысліе, то для оказанія вліянія на инертныя въ сущности массы населенія и приведенія ихъ до демонстрацій и возстаній, необходимо,

чтобы эти массы имѣли постоянно ощущаемые и основательные поводы для недовольствія своимъ положеніемъ.

А если это такъ, то здравая политика, казалось бы, требуетъ устраненія условій, вредныхъ и даже оскорбляющихъ чувства народа и выработки новыхъ условій для его счастія. Поэтому задача правительства состоитъ, казалось бы, не только въ сохраненіи вооруженною силою въ случаѣ надобности общественнаго порядка, но и въ обезпеченіи онаго путемъ удовлетворенія матеріальныхъ и нравственныхъ нуждъ всѣхъ подданныхъ, возбуждая въ нихъ этимъ благодарность и привязанность къ престолу. И надлежитъ замѣтить, что, повидимому, Русскіе Императоры прекрасно понимали эту необходимость удовлетворять нравственныя и матеріальныя нужди своихъ подданныхъ польскаго происхожденія. Вице-канцлеръ князь Горчаковъ въ своемъ знаменитомъ меморандумѣ отъ 26 Августа 1863 г. категорически заявилъ, что обѣщать полякамъ возстановленіе ихъ отечества, а это отечество по тогдашнему убѣжденію какъ поляковъ, такъ и русскихъ состояло, не только изъ края, такъ называемаго въ то время Варшавскимъ герцогствомъ, но и изъ западныхъ губерній, и принять на себя ясно выраженное въ Вѣнскомъ трактатѣ обязательство даровать своимъ подданнымъ (не только въ новообразованномъ Варшавскомъ герцогствѣ, но и въ западныхъ губерніяхъ) «представительство и національныя учрежденія» — Императора Александра I-го побудило «намѣреніе успокоить, удовлетворить и уврачевать вѣковую рану, даруя соединенной «Польшѣ политическое существованіе» подъ скипетромъ Русскимъ Императовъ». Такъ какъ Онъ, по словамъ князя Горчакова, «въ непріязненности поляковъ усматривалъ нравственную причину, для искорененія которой необходимы другія, а не только одни матеріальныя средства.» Императоръ Николай I-ый въ свою очередь въ органическомъ статутѣ 1832 г. разрѣшалъ организовать въ Царствѣ Польскомъ дворянскія, городскія и гминныя собранія, Совѣты воеводствъ и окружныя собранія съ обширными

полномочьями въ вопросахъ управленія страною. По словамъ этого статута, эти собранія и совѣты «могли наиболѣе соотвѣтствовать истиннымъ пользамъ и положенію края, мѣстнымъ нуждамъ онаго и навыкамъ жителей.» Равнымъ образомъ, Императоръ Александръ II-ый, даровавъ Царству Польскому въ 1861 и 1862 г. разныя предусмотрѣнныя въ органическомъ статутѣ 1832 г., но никогда не введенныя учрежденія, обѣщалъ, несмотря на возстаніе 1863 г., въ ВЫСОЧАЙШИМЪ Манифестѣ отъ 31 Марта — 12 Апрѣля 1863 г. и въ ВЫСОЧАЙШИМЪ рескриптѣ 19/31 Октября того же года «оставить эти установленія въ полной ихъ силѣ.

Между тѣмъ приведенныя ВЫСОЧАЙШІЯ обѣщанія не были исполнены. Поляки въ Западныхъ губерніяхъ не получили «представительства и національныя учрежденія». Органическій статутъ, дарованный Царству Польскому въ 1832 г., не былъ введенъ, наконецъ обѣщанія, данныя Императоромъ Александромъ II въ 1863 г. — оставить дарованныя въ 1861 и 1863 г. установленія въ полной ихъ силѣ — не были исполнены.

Причину этого факта вѣрнѣе всего надлежитъ искать въ томъ вліяніи, которое оказывали на государственныхъ сановниковъ, непосредственно докладывавшихъ Русскимъ Самодержцамъ о потребностяхъ страны и о мѣропріятіяхъ для удовлетворенія послѣднихъ, представители направленія русской интеллигенціи, относившихся враждебно къ полякамъ съ самаго почти возникновенія польскаго вопроса въ Россіи. Это предположеніе можетъ быть оправдано слѣдующими фактами.

Присоединенія западныхъ губерній къ образованному въ 1815 г. Царству Польскому, что обѣщалъ Императоръ Александръ I, кажется, не допустилъ протестъ высшихъ классовъ русскаго общества, выразителемъ котораго въ своей извѣстной запискѣ отъ 17 Октября 1819 г. къ Государю явился Николай Михайловичъ Карамзинъ.

Причиною недарованія полякамъ, живущимъ въ западныхъ

губерніяхъ «представительства и національныхъ учрежденій», гарантированныхъ Вѣнскимъ трактатомъ, было недовольство русскихъ, вызванное тѣмъ, что области присоединенныя имѣютъ учрежденія болѣе совершенныя чѣмъ у нихъ. Это чувство и по нынѣ живетъ въ сердцахъ русскихъ, не по отношенію только поляковъ, и наглядно проявляется при всякой реформѣ Балтійскаго края или Финляндіи, хотя эти части Имперіи всегда были наиболѣе вѣрноподданными и, при существованіи именно этихъ уничтожаемыхъ институцій, преуспѣвали въ нравственномъ и матеріальномъ благосостояніи, безспорно высшемъ, чѣмъ въ губерніяхъ центральныхъ.

Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Новосильцевъ и тогдашній министръ Внутреннихъ Дѣлъ графъ Блудовъ, были главными виновниками невведенія и неисполненія въ теченіе 30 лѣтъ органическаго статута, дарованнаго въ 1832 г. Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Князь Паскевичъ, Намѣстникъ Царства Польскаго былъ также противникомъ введенія нѣкоторыхъ учрежденій поэтому статуту. Онъ, какъ военный, никакъ не могъ себѣ представить, чтобы какая либо правительственная власть могла подлежать контролю разныхъ собраній и совѣтовъ, выбранныхъ и составленныхъ изъ лицъ этой же власти подчиненныхъ.

Наконецъ на всѣ мѣры принятыя послѣ возстанія 1863 г., какъ въ Царствѣ Польскомъ вопреки Манифесту Императора Александра II отъ 31 Марта 1863 г., такъ равно и во всемъ Западномъ краѣ, оказали сильнѣйшее вліяніе представители того же направленія русскаго общественнаго мнѣнія, въ особенности же и главнымъ образомъ редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», Катковъ, который уже ко времени возстанія 1863 г. занималъ исключительное положеніе въ русской журналистикѣ.

Въ концѣ царствованія Императора Николая Павловича и въ началѣ царствованія Александра II русское общественное мнѣніе подпало вліянію газетъ, издаваемыхъ заграницею

русскими эмигрантами во главѣ съ талантливѣйшимъ изъ нихъ Александромъ Герценомъ, которое особенно усугублялось тѣмъ, что газетамъ, выходящимъ въ Россіи не позволено было касаться вопросовъ внутренней политики. Это вліяніе заграничныхъ газетъ на мнѣніе русскаго общества было аналогично съ тѣмъ, какое оказывали на поляковъ, живущихъ въ Россіи органы, издаваемые польскими эмигрантами 1831 г. Полицейскія и цензурныя мѣры, направленныя противъ этого вліянія не достигали своей цѣли. Между тѣмъ въ самой Россіи, благодаря подготовительнымъ работамъ къ крестьянской реформѣ, которыя не могли оставаться канцелярской тайной, — такъ какъ въ коммиссіяхъ для разработки этой реформы участвовали по большей части не чиновники, — было разрѣшено періодическимъ изданіямъ печатать статьи по текущимъ государственнымъ вопросамъ. Этимъ воспользовался Катковъ и если не ошибаюсь, въ 1861 г. выступилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» съ нѣсколькими весьма талантливо написанными статьями противъ вліянія заграничной русской прессы на общественное мнѣніе и противъ претензіи русскихъ эмигрантовъ руководить этимъ мнѣніемъ въ предѣлахъ ихъ отечества, которое они добровольно оставили, не имѣя смѣлости защищать свои убѣжденія личнымъ участіемъ въ общественной дѣятельности. Эта кампанія противъ эмигрантовъ достигла своей цѣли, и Катковъ сразу пріобрѣлъ вполнѣ заслуженное уваженіе и у правительства и среди общества.

Дипломатическія ноты обращенныя по поводу польскаго возстанія 1863 г. къ русскому Правительству большинствомъ европейскихъ кабинетовъ, глубоко оскорбили въ Россіи чувство народнаго достоинства, раздраженнаго этимъ вмѣшательствомъ постороннихъ державъ въ дѣла, признаваемыя вопросами внутренней политики. Оскорбленное чувство народнаго достоинства отразилось на знаменитомъ меморандумѣ князя Горчакова отъ 26 Августа 1863 г., въ печати же самымъ талантливымъ выразителемъ оскорбленныхъ народныхъ чувствъ

и національныхъ интересовъ, а равно самымъ ревностнымъ поборникомъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ полякамъ явился Катковъ. Къ нему обратился генералъ Муравьевъ, назначенный въ это время Виленскимъ Генералъ Губернаторомъ съ просьбою о поддержкѣ передъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ тѣхъ строгихъ мѣръ, которыя имъ принимались для успокоенія управляемаго имъ края; въ такой поддержкѣ генералъ Муравьевъ сильно нуждался, такъ какъ на прежнемъ его посту Министра Государственныхъ Имуществъ, онъ всѣми силами противодѣйствовалъ проводимому въ это время освобожденію крестьянъ и крестьянской реформы, вслѣдствіе чего онъ сталъ persona ingrata, какъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, такъ равно и въ глазахъ всего русскаго общественнаго мнѣнія, съ восторгомъ принявшаго реформу 19 Февраля 1861 г. Вслѣдъ за тѣмъ въ Московскихъ вѣдомостяхъ появился цѣлый рядъ весьма замѣчательныхъ и талантливо составленныхъ статей самаго Каткова противъ поляковъ. Сначала, для предупрежденія въ будущемъ возможности повторенія возстанія, Катковъ указывалъ на необходимость принимаемыхъ въ дѣйствительности генераломъ Муравьевомъ, строгихъ репрессивныхъ мѣръ противъ поляковъ; затѣмъ постепенно увлекаясь, сталъ откровенно проповѣдывать ненависть всѣхъ русскихъ ко всему польскому племени. Нельзя отрицать, что статьи Каткова читались многими, повторялись и другими журналами и что такимъ образомъ чувства ненависти русскихъ къ полякамъ, подстрекаемыя и проповѣдуемыя Катковымъ могли сдѣлаться достояніемъ нѣкоторой части русской интеллигенціи. Подобное подстрекательство одной части населенія государства противъ другой является страшнымъ преступленіемъ, предусмотреннымъ даже каратѣльнымъ закономъ. И дѣйствительно если бы подстрекательства Каткова вполнѣ достигли своей цѣли и если бы въ настоящее время всѣми русскими раздѣлялся высказанный Катковымъ взглядъ на способъ рѣшенія польскаго вопроса, состоящій въ систе-

матическомъ гоненіи, преслѣдованіи и травлѣ всего польскаго племени, подобно той травлѣ съ которой сѣверо-американскіе янки истребляютъ краснокожихъ индійцевъ, — въ такомъ случаѣ не было бы больше возможности входить въ обсужденіе вопроса о соглашеніи двухъ столь близкихъ племенъ подъ скипетромъ могущественныхъ русскихъ Самодержцевъ. Но я твердо увѣренъ, что чувства глубокой и варварской ненависти, которую Катковъ пытался возбудить въ русскомъ обществѣ противъ поляковъ и проявленія которой я нигдѣ не видѣлъ въ исторіи этихъ двухъ единоплеменныхъ народовъ, несоставляютъ достоянія всего русскаго общества и всего русскаго народа. И русскіе, по моему мнѣнію, сознаютъ, что Катковъ превзошелъ мѣру справедливости и даже политическаго благоразумія въ своихъ филиппикахъ противъ польскаго племени и временное увлеченіе его хотя, къ сожалѣнію, и могло оставить слѣды, но не могло всетаки развратить и исказить чувство справедливости и политическаго такта во всемъ русскомъ народѣ. Это именно мое убѣжденіе и побудило меня обратиться къ вамъ, Господа, какъ представителямъ русской мысли, съ настоящимъ письмомъ.

Считая такимъ образомъ вопросъ о томъ, на сколько причина неуспѣшнаго понынѣ разрѣшенія въ политическомъ и общественномъ отношеніяхъ польскаго вопроса въ Россіи зависѣла отъ трехъ главныхъ факторовъ т. е. отъ русскаго правительства, русскаго общества и отъ самихъ же поляковъ, — обратимся къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, на сколько самыя средства, примѣненныя до сихъ поръ для разрѣшенія онаго были цѣлесообразны; иными словами, не надлежитъ ли искать неуспѣшности результатовъ столѣтней исторической работы именно въ ошибочности примѣняемой по настоящее время системы. При этомъ очевидно надлежитъ имѣть въ виду лишь главныя основанія и общій характеръ означенной системы, а нисколько не нѣкоторыя детали въ способѣ ея примѣненія, хотя и таковыя несомнѣнно отразились на результатахъ при-

мѣненія системы. Въ этомъ отношеніи самымъ печальнымъ обстоятельствомъ являлись безтактное усердіе и злоупотребленія чиновниковъ, служащихъ въ прежнихъ польскихъ провинціяхъ. Противодѣйствіе этимъ злоупотребленіямъ было тѣмъ труднѣе, что подозрѣніе «въ неблагонадежности» для коего не требовалось никакихъ доказательствъ, навлекало на жалующихся пострадавшихъ лицъ болѣе тяжелыя послѣдствія, чѣмъ самыя злоупотребленія. Но эти печальные факты не относятся къ существу разсматриваемаго вопроса объ общемъ характерѣ примѣненныхъ по настоящее время средствъ.

Первымъ изъ такихъ ошибочныхъ средствъ, хотя несомнѣнно, бывшихъ результатомъ благороднѣйшихъ побужденій относительно поляковъ Александра I, было дарованіе конституціи возстановленному въ 1815 г. Царству Польскому. Введеніе конституціи въ освобожденныхъ, благодаря побѣдоноснымъ русскимъ войскамъ, отъ внутренняго и внѣшняго насилія странахъ: Франціи, Греціи, Сербіи, Болгаріи и Румыніи — не всегда производило благопріятное впечатлѣніе на русское общество, хотя съ другой стороны, конечно льстило національному самолюбію. Дарованіе же конституціи, какой не было въ самой Имперіи, покоренному и официально къ ней присоединенному краю, не могло быть для русскаго общества пріятнымъ явленіемъ, особенно въ тѣ времена, когда Россіею фактически управлялъ Аракчеевъ. Если тогда же (т. е. тотчасъ же послѣ 1815 г.) русское общественное мнѣніе не возражало противъ этого, то только потому, что въ то время обсужденіе политическихъ вопросовъ въ печати не было практикуемо. Отъ глазъ русскаго правительства такое недовольствіе общества не могло укрыться тѣмъ болѣе, что это недовольствіе по крайней мѣрѣ отчасти, способствовало подготовленію грядущихъ декабрьскихъ событій 1825 г. Поэтому правительство воспользовалось первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы лишить поляковъ Царства Польскаго ихъ политической свободы. Такой случай не заставилъ себя долго ждать, такъ

какъ уже 15 лѣтъ спустя т. е. въ 1830 г. разыгралась революція, вызванная, въ большой мѣрѣ, антиконституціонными дѣйствіями слѣдственныхъ коммиссій, составляемыхъ и руководимыхъ, согласно указаніямъ русской власти, помимо правительства Царства Польскаго, совершенно будто бы независимаго отъ русскаго правительства.

Эта номинальна независимость правительства Царства Польскаго была тоже одной изъ ошибокъ въ системѣ, практикуемой съ 1815 г., такъ какъ такая независимость не могла не быть фиктивной. Даже въ государствахъ, связанныхъ между собою только личною уніей, вопросъ независимости ихъ правительствъ представляетъ немало затрудненій. Царство Польское не было присоединено къ Россіи на основаніи личной уніи. Указаніе на то, что «оно въ силу своей конституціи будетъ въ неразрывной съ Россіею связи», не исключало его подчиненія русскому правительству. Кромѣ того, Царство Польское, образованное въ 1815 г., въ глазахъ русскихъ пріобрѣтало особое значеніе въ виду того вліянія, которое оно могло оказывать на западныя губерніи, не только вслѣдствіе обѣщанія присоединить эти губерніи къ Царству Польскому, но также отъ близкаго общенія, продолжавшагося столько вѣковъ. Русское правительство не могло, поэтому, смотрѣть сквозь пальцы на польское правительство, которое не было простымъ только исполнителемъ ВЫСОЧАЙШЕЙ воли единаго для этихъ двухъ государствъ монарха, но въ своихъ дѣйствіяхъ должно было руководствоваться также волею народа, выражавшуюся вполнѣ законно существующими сеймами. При такомъ условіи, между двумя правительствами, должны были происходить недоразумѣнія и несогласія въ способѣ ихъ дѣйствія. Кажущаяся независимость правительства Царства Польскаго, а также дарованіе ему такихъ привиллегій, какихъ не имѣла сама Имперія, давали полякамъ возможность забывать, что они тоже принадлежатъ Россіи, и позволяли создавать иные идеалы и цѣли, а не усиленіе могущества и славы Россіи. Такія отношенія рано или поздно должны были

довести до конфликта, который начался и окончился войною 1831 г.

Я не утверждаю, что ошибкою было неприсоединеніе западныхъ губерній къ Царству Польскому, возстановленному въ 1815 г., противъ чего такъ сильно возражалъ въ своей запискѣ Карамзинъ. *Но невведеніе въ этихъ губерніяхъ «представительства и національныхъ учрежденій, согласно постановленіямъ Вѣнскаго трактата, было безусловной ошибкой.* Если бы эти губерніи получили удовлетвореніе своихъ національныхъ и автономическихъ нуждъ, онѣ безъ всякаго сомнѣнія не сочувствовали бы возстаніямъ 1830 и 1863 г., послѣдствіемъ чего было бы вѣроятное уменьшеніе размѣровъ этихъ возстаній и можетъ быть ихъ невозможности.

Система управленія, введенная послѣ усмиренія возстанія 1831 г., была также ошибочна. Номинальная независимость правительственныхъ институцій Царства Польскаго отъ центральныхъ властей Имперіи по прежнему осталась, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, именно: правительство Царства Польскаго дѣлалось отвѣтственнымъ не передъ сеймами, а непосредственно передъ монархомъ, и для своихъ дѣйствій оно получало указанія опять таки не отъ сейма, а отъ Намѣстника Царства Польскаго. Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго былъ организованъ ВЫСОЧАЙШИМЪ указомъ лишь 6/18 Сентября 1841 г. и не при высшемъ и исполнительномъ органѣ, какимъ въ Россіи является Комитетъ Министровъ, но при высшемъ въ государствѣ совѣщательномъ и контрольномъ учрежденіи — Государственномъ Совѣтѣ. О дѣятельности этого Комитета населеніе Царства Польскаго никогда, впрочемъ, не получало офиціальныхъ свѣдѣній, а потому могло находиться и дѣйствительно находилось въ ложномъ убѣжденіи независимости судебъ Царства Польскаго отъ Имперіи.

Не менѣе ошибочнымъ было невведеніе въ теченіе 30 лѣтъ разныхъ учрежденій, дарованныхъ Царству Польскому въ органическомъ статутѣ 1832 г. Неисполненіе этихъ ВЫСОЧАЙ-

ШИХЪ указовъ убѣждало поляковъ, что законы можно не исполнять, а съ другой стороны, отстраненіе польскаго населенія вопреки органическому статуту, отъ участія въ мѣстномъ управленіи краемъ, лишало правительство возможности знать о дѣйствительныхъ нуждахъ этого населенія. Поляки, не принимая такимъ образомъ активнаго участія въ рѣшеніи мѣстныхъ вопросовъ въ управленіи краемъ, не успокаивались, а напротивъ увлекались «мечтаніями», отъ которыхъ ихъ въ 1856 г. предостегалъ Императоръ Александръ II и которыя довели ихъ до демонстраціи и возстанія.

Учрежденія, дарованныя Царству Польскому въ 1861 и 1862 г., не могли предохранить его отъ печальныхъ событій, вызванныхъ отчасти существующимъ съ 1815 и 1832 г. порядкомъ вещей. Впрочемъ изъ того, что я только что сказалъ объ ошибочности учрежденій, дарованныхъ Царству Польскому Императоромъ Александромъ I и Николаемъ I, можно наперед вывести заключеніе, что я не буду защищать или идеализировать того, что было сдѣлано согласно указамъ 1861 и 1862 г. Ошибочность заключалась не только въ подтвержденіи вновь этой кажущейся независимости правительственныхъ институцій Царства Польскаго отъ Имперіи, но и въ предположеніи, что *польскій вопросъ въ Россіи разрѣшитъ дарованіемъ одному только Царству Польскому правъ и привиллегій, хотя бы въ границахъ возможнаго.* Это сознавалъ вполнѣ Императоръ Александръ I, принимая на себя по Вѣнскому трактату обязательство даровать всѣмъ прежнимъ польскимъ провинціямъ «представительство и національныя учрежденія». Тоже самое по всей вѣроятности имѣлъ въ виду и вице-канцлеръ, князь Горчаковъ, когда обратился къ Маркизу Вѣлепольскому, назначенному на постъ Начальника Управленія гражданскою частью Царства Польскаго въ самый день отъѣзда его изъ Петербурга въ Варшаву, съ полномочьями ввести ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя права и привиллегіи, долженствующія успокоить умы поляковъ въ Царствѣ Польскомъ за совѣтомъ, что слѣдуетъ пред-

принять для успокоенія поляковъ, живущихъ въ западныхъ губерніяхъ? Между тѣмъ обязательства, принятыя въ 1815 г. относительно западныхъ губерній не были ни до, ни послѣ 30 г. приведены въ исполненіе. Нечего поэтому удивляться, что поляки, населяющіе западныя губерніи, завидовали своимъ соотечественникамъ, живущимъ въ Царствѣ Полскомъ, а эти въ свою очередь не могли вѣрить, что въ то самое время, когда имъ дозволяется быть поляками, даже будучи русскими подданными, для поляковъ, живущихъ искони вѣковъ на другомъ берегу Буга и Нѣмана признаваться въ своей національности считалось чуть или не преступленіемъ.

Здѣсь я долженъ выяснить, что я нисколько себѣ не противорѣчу, считая ошибкою: съ одной стороны оставленіе съ 1815—1863 г. хотя бы номинальной только независимости правительства Царства Польскаго отъ Имперіи и съ другой, признавая также ошибочнымъ невведеніе въ Царствѣ Польскомъ разныхъ собраній и совѣтовъ, дарованныхъ органическимъ статутомъ, а въ западныхъ губерніяхъ «представительства и національныхъ учрежденій», гарантированыхъ Вѣнскимъ трактатомъ 1815 г. Первое придавало Царству Польскому видъ государства, совершенно независимаго отъ Россіи и имѣющаго право въ силу своей конституціи противиться даже ВЫСОЧАЙШЕЙ волѣ. Второе вовсе не исключало бы зависимости Царства Польскаго и западныхъ губерній отъ центральныхъ властей Имперіи, а было бы только одной изъ формъ управленія, не совсѣмъ правда одинаковой съ общегосударственной администраціей; но вѣдь полнаго однообразія въ такомъ большомъ государствѣ, какъ Россія, никогда не было, не можетъ быть да и едва ли оно желательно.

Я ожидаю еще одного возраженія и спѣшу на него отвѣтить. Могутъ сказать, что полякамъ, живущимъ въ западныхъ губерніяхъ потому нельзя было даровать обѣщанныхъ Вѣнскимъ трактатомъ привиллегій, что поляки въ этихъ губерніяхъ составляютъ сравнительно малый процентъ всего насе-

ленія. Это несомнѣнно такъ, но въ этихъ нѣсколькихъ процентахъ заключается вся просвѣщенная часть мѣстнаго населенія, а политическую окраску каждой странѣ и даетъ именно образованный классъ ея жителей. Эти губерніи настолько польскія, насколько губерніи заволжскія можно считать русскими. И русское общественное мнѣніе прекрасно это чувствуетъ, усиленно домогаясь, особенно послѣ 1863 г., обрусѣнія этихъ провинцій, а правительство, уступая этому мнѣнію, предпринимаетъ рядъ мѣръ для достиженія этой цѣли.

Но всѣ средства такого обрусѣнія, не только относительно западныхъ губерній, но и Царства Польскаго — являются также одною изъ ошибокъ системы, прилагаемой съ 1863 г. къ разрѣшенію польскаго вопроса. Безъ сомнѣнія, можно считать большимъ счастіемъ, если въ какомъ либо государствѣ все народонаселеніе состоитъ изъ одного племени. Но подобныхъ государствъ очень немного. А такое громадное государство, какъ Россія, подъ скипетромъ Монарховъ, въ которой живетъ столько разныхъ народовъ, врядъ ли легко можетъ достигнуть общаго ихъ обрусѣнія. Были, правда, въ исторіи примѣры ассимиляцій національностей: Галлы и Иберы приняли римскую цивилизацію, Славяне жившіе вдоль Эльбы и Одера онѣмечились: въ русской исторіи мы видѣли примѣръ обрусѣнія племенъ финскаго и татарскаго происхожденія. Но подобныя ассимиляціи случались лишь тогда, когда варварскія племена сталкивались съ высшею цивилизаціею. Въ христіанскомъ же мірѣ мы находимъ только одинъ такой примѣръ. Многіе изъ ирландцевъ, вслѣдствіе шестисотлѣтняго почти господства Англіи надъ Ирландіей, усвоили себѣ языкъ и обычай англичанъ, а между тѣмъ можетъ ли ирландскій вопросъ считаться исчерпаннымъ? Въ другихъ странахъ только высшія классы общества отступали иногда отъ своей національности. Такъ, онѣмечилась шляхта въ Чехіи, Силезіи и въ другихъ провинціяхъ Габсбургской монархіи, ополячилась литовская и русинская въ прежней Рѣчи Посполитой. И польская шляхта въ

губерніяхъ Витебской и Могилевской, т. е. въ провинціяхъ, отошедшихъ къ Россіи по первому раздѣлу Польши въ 1772 г., начала уже руссифицироваться. Ее удержали на этомъ пути мѣры, предпринятыя для обрусѣнія края послѣ 1831 г., а главнымъ образомъ событія, случившіяся въ этихъ губерніяхъ въ 1839 и въ послѣдующихъ годахъ. Подобныя превращенія происходили всегда, когда высшіе классы обществъ господствующей и подвластной національностей сталкивались на дружественной почвѣ общаго труда для блага государства и добрыхъ взаимныхъ отношеній, и при возможности для послѣдней пользоваться правами наравнѣ съ господствующимъ элементовъ. Но въ настоящее время привиллегіи высшихъ классовъ общества постепенно уничтожаются, а нисшіе классы, достигая большаго умственаго развитія, начинаютъ проникаться національными интересами. На сколько живучъ въ славянскихъ племенахъ, послѣ введенія христіанства, національный элементъ, лучше всего можно усмотрѣть изъ примѣра Чеховъ, Болгаръ и Сербовъ, которые, несмотря на вѣковыя гоненія и преслѣдованія другими народами, нисколько не потеряли своего народнаго характера.

Обрусѣніе поляковъ представляетъ задачу тѣмъ болѣе трудную, что только половина этнографически польскаго племени находится подъ русскимъ скипетромъ. Другая же половина принадлежитъ Австріи и Германіи. Отношенія, по крайней мѣрѣ, въ духовной сферѣ этой послѣдней части польскаго народа со своими соплеменниками, живущими въ Россіи, неизбѣжны. Русскимъ подданнымъ полякамъ невозможно помѣшать внимательно слѣдить за тѣмъ, какъ живется ихъ единоплеменникамъ за границею. И наоборотъ поляки, живущіе и въ Австріи и въ Германіи, тѣмъ усиленнѣе побуждаютъ русскихъ подданныхъ поляковъ къ охраненію своей національности, что это имъ облегчаетъ у себя точно такую работу самоохраны и въ то же время не подвергаетъ ихъ то никакой опасности. Наконецъ, хотя польская эмиграція въ родѣ бывшей

послѣ 1831 г. больше не существуетъ, но недавно возникла другая эмиграція въ Соединенныхъ Штатахъ, которая стремится по отношенію поляковъ, оставшихся въ краѣ, играть туже роль, какую взяли на себя ирландскіе выходцы въ Америкѣ, относительно своихъ соплеменниковъ на Зеленомъ островѣ. Все это естественный и неизбѣжный результатъ раздѣловъ Польши.

Да и неужели такая внѣшняя руссификація всѣхъ прежнихъ польскихъ провинцій, введенныхъ въ составъ Русскаго государства, такъ необходима для славы и могущества Россіи? Нѣмцы, живущіе не сполна 200 лѣтъ, въ принадлежащихъ Россіи и до сихъ поръ еще не обрусѣвшихъ Балтійскихъ губерніяхъ, были всегда вѣрнѣйшими подданными и слугами Государей и въ теченіе этихъ столѣтій положили не мало труда для усиленія славы и могущества ихъ новаго отечества. И поляки тоже между 1795—1807 годами уже начинали вступать на этотъ путь, на которомъ они, навѣрное бы и удержались, если бы Россія оказалась для нихъ истинной матерью.

Другая ошибка системы, прилагаемой къ полякамъ какъ въ западныхъ губерніяхъ, такъ и въ Царствѣ польскомъ — урывками съ 1831 г. и полностью послѣ 1863 г. заключались въ полномъ ихъ отстраненіи отъ участія въ разрѣшеніи мѣстныхъ вопросовъ управленія краемъ, не столько путемъ неназначенія ихъ на высшіе посты и въ этихъ провинціяхъ и въ самой Имперіи, но скорѣе, благодаря совершенному уничтоженію въ этомъ краѣ всѣхъ сословныхъ и выборныхъ учрежденій, которыя существовали, или по крайней мѣрѣ должны были существовать и въ Царствѣ Польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ и которыя уже давно функціонировали въ центральной Россіи, а въ послѣднія 30 лѣтъ были значительно усовершенствованы. Поляки, лишенные возможности работать надъ удовлетвореніемъ мѣстныхъ нуждъ, насколько, конечно, это можетъ быть достигнуто при соучастіи правительства, и совершенно незнакомые съ трудностями такой работы, знаютъ только,

что ихъ край, несмотря на значительное обремененіе его податями и другими налогами, плохо управляется и вину этого, разумѣется, приписываютъ правительству. А правительство, помимо того, что исполнителями его распоряженій являются по большей части лица, недавно только прибывшія въ этотъ край изъ мѣстъ, находящихся въ существенно различныхъ условіяхъ, и заботящіяся болѣе объ успѣшности своей карьеры, чѣмъ объ удовлетвореніи нуждъ ввѣренныхъ ихъ управленію провинцій, лишено возможности узнавать правду объ этихъ нуждахъ, а значитъ и дѣлать что либо для ихъ удовлетворенія.

Точно также отнюдь не можетъ помочь разрѣшенію польскаго вопроса въ Россіи, практикуемое нынѣ въ столь широкихъ размѣрахъ ограниченіе поляковъ, русскихъ подданныхъ, въ правахъ предоставленныхъ всѣмъ русскимъ. Означенныя ограниченія, лишая поляковъ во многихъ случаяхъ возможности матеріальнаго, постоянно припоминаютъ имъ, что они не русскіе и русскими сдѣлаться не могутъ, что они въ сущности паріи и плоты въ Русскомъ Государствѣ; русскимъ же эти ограниченія никакой дѣйствительной пользы не приносятъ. Причина, напр. затрудненій, причиняемыхъ полякамъ въ служебной карьерѣ, или даже полнаго ихъ недопусканія на служебное поприще, заключается не въ ихъ безполезности или вредности, ибо, насколько мнѣ извѣстно, чиновники и военные поляки, хотя страдаютъ отъ горькой участи своихъ соотечественниковъ, не менѣе, однако, преданно, дѣятельно и успѣшно работаютъ на пользу государства, чѣмъ коренные русскіе, но въ ложномъ опасеніи нѣкоторыхъ русскихъ, что будто бы при уравненіи поляковъ въ служебныхъ правахъ *уменьшится количество государственныхъ должностей*, занимаемыхъ теперь русскими и доставляющихъ имъ средства для существованія. Между тѣмъ извѣстно, что, какъ только въ самыхъ либеральныхъ странахъ, напр. въ Англіи, власть попадаетъ въ руки торіевъ или виговъ, или въ Соединенныхъ Штатахъ въ руки республиканцевъ или демократовъ, тотчасъ же всѣ обществен-

ныя должности отъ высшихъ и до низшихъ занимаются лицами, принадлежащими къ той или другой, одержавшей верхъ, патріи. Коренные русскіе находятся, да и всегда будутъ находиться у кормила правленія, и въ составѣ народонаселенія этого государства всегда останутся преобладающимъ элементомъ. Нечего опасаться, чтобы какой либо изъ иноплеменныхъ элементовъ, когда нибудь одержалъ верхъ надъ ними во всѣхъ высшихъ правительственныхъ сферахъ. По этому назначеніе коренныхъ русскихъ на всѣ посты, при отсутствіи даже у правительства какой либо апріорной политической программы, будетъ всегда естественнымъ послѣдствіемъ отношеній кандидатовъ русской національности къ своимъ единоплеменникамъ, стоящимъ у власти. Если же полякъ и будетъ назначенъ на болѣе или менѣе значительный постъ, то это произвойдетъ только въ виду его выдающихся способностей, а слѣдовательно съ пользою для государства. Слѣдовательно отъ ограниченія поляковъ въ правахъ, ни Россія, ни русскіе ничего не выигрываютъ, а поляки, русскіе подданные, страдаютъ, хотя бы отъ униженія, невыносимаго для людей, главнымъ качествомъ характера которыхъ есть любовъ къ равенству.

Это униженіе еще можно было бы кое какъ вынести, если бы для польской молодежи была болѣе доступна солидная подготовка къ занятіямъ промышленностью, торговлей и земледѣліемъ, такъ какъ трудъ на этомъ поприщѣ оплачивается болѣе щедро, чѣмъ на государственной службѣ и такимъ трудомъ, при добросовѣстномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ, скорѣе можно добиться матеріальнаго благосостоянія. Но въ школахъ, главнымъ образомъ, среднихъ, молодые люди исключительно подготовляются къ занятію низшихъ государственныхъ должностей, да и такія школы, существующія въ настоящее время въ прежнихъ польскихъ провинціяхъ, могутъ вмѣстить меньше учениковъ, чѣмъ бывшія тамъ сто лѣтъ тому назадъ среднія учебныя заведенія. Въ разныхъ же спеціальныхъ школахъ поляковъ встрѣчаютъ новыя униженія: въ однѣ до-

ступъ имъ совершенно закрытъ, въ другія ограниченъ до весьма малаго процента. Россія лишается вслѣдствіе всего этого извѣстнаго количества образованныхъ а слѣдовательно полезныхъ людей; поляки же, не допускаемые въ учебныя заведенія, лишаются возможности утилизировать свой трудъ. Независимо отъ этого означенныя ограниченія препятствуютъ также сближенію разноплеменныхъ элементовъ въ Имперіи на нейтральной почвѣ совмѣстнаго занятія наукой и товарищескимъ, а главное принуждаетъ часть польскаго народа, и именно пострадавшую отъ этихъ ограниченій, оставаться на степени полуобразованнаго класса, который всегда бываетъ наиболѣе воспріимчивымъ къ разнаго рода вреднымъ вліяніямъ.

Наиболѣе распространеннымъ практическимъ занятіемъ поляковъ было и до сихъ поръ остается сельское хозяйство и въ этой отрасли труда они могли бы въ раіонѣ прежнихъ польскихъ провинцій, гдѣ они родились и выросли, работать съ пользою и для себя и для государства, несмотря на отсутствіе соотвѣтственнаго научнаго образованія. Многовѣковый и переходящій изъ поколенія въ поколѣніе опытъ съ успѣхомъ замѣнилъ бы имъ недостатокъ спеціальныхъ знаній. Но и для такихъ невинныхъ и полезныхъ занятій создано препятствіе: запрещеніе полякамъ пріобрѣтать имѣнія въ западныхъ губерніяхъ Имперіи. Часть этихъ имѣній ежегодно должна продаваться по причинѣ, хотя бы напр. невозможности произвести дѣлежъ отдѣльныхъ, благоустроенныхъ хозяйствъ, или трудности, сразу выплатить кому либо изъ наслѣдниковъ, причитающіяся на долю другихъ части. Самыми естественными покупателями этихъ имѣній, разумѣется, были поляки, хорошо знакомые съ мѣстными условіями и искони занимавшіеся въ этомъ краѣ сельскимъ хозяйствомъ. Но законъ имъ этого не дозволяетъ. Пользуясь запрещеніемъ, коренные русскіе покупаютъ тамъ земли за безцѣнокъ. При такомъ пониженіи цѣнъ на продаваемыя имѣнія, терпятъ убытки, очевидно, продавцы — поляки. Теряютъ они также оттого, что не могутъ ути-

лизировать свои капиталы и трудъ въ сферѣ хорошо имъ знакомой. Матеріальныя, однако, выгоды извлекаютъ только тѣ русскіе, которые, если не здѣсь, то гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, съумѣли бы съ пользою приложить свой трудъ и получить хорошіе проценты на свои капиталы. Въ большинствѣ же случаевъ, они, или теряютъ тѣ деньги, которыя потратили на покупку, или временно, кое что наживаютъ путемъ опустошенія пріобрѣтенныхъ имѣній, т. е. другими словами, порчею источниковъ народнаго богатства. А обрусѣніе отъ этого нисколько не выигрываетъ, такъ какъ всѣ покупщики имѣній, желая получить съ нихъ доходъ, поставлены въ необходимость поручать управленіе ими мѣстнымъ уроженцамъ, знакомымъ съ условіями веденія сельскаго хозяйства въ этихъ провинціяхъ, а нѣсколько болѣе образованный классъ населенія состоитъ изъ поляковъ. Слѣдовательно польскій элементъ остается на мѣстѣ и не перестаетъ, даже помимо своей воли, оказывать полонизаціонное вліяніе на мѣстный людъ, этнографически не польскій, но также и не русскій. Тѣже, которые занялись опустошеніемъ купленныхъ земель, должны отдавать ихъ въ руки единственныхъ въ этомъ краѣ торговцевъ-евреевъ, отчего также руссификація края впередъ не подвигается. Между тѣмъ, проистекающее отъ запрещенія полякамъ покупки земель пониженіе цѣнъ на имѣнія вредно отзывается на продажныхъ цѣнахъ на землю во всей Имперіи, вслѣдствіе чего земельные собственники въ остальной Россіи терпятъ громадные убытки. Слѣдовательно, и этотъ способъ, употребляемой для скорѣйшаго и успѣшнѣйшаго разрѣшенія русско-польскаго вопроса не цѣлесообразенъ.

Я не стану доказывать ошибочности еще многихъ другихъ ограниченій и лишеній правъ поляковъ, русскихъ подданныхъ, а также безполезность и даже вредъ этихъ мѣръ для самихъ русскихъ, такъ какъ это просто бросается въ глаза. Слѣдуя далѣе рецепту, котораго держались понынѣ, можно сдѣлать изъ поляковъ развѣ русскихъ по виду, пожалуй,

по языку, но дѣйствительно сплотиться съ ними во едино можно лишь тогда, если они будутъ чувствовать себя въ Россіи по крайней мѣрѣ не хуже чѣмъ у обоихъ сосѣдей, а этого, разъ они честно отказались отъ погони за независимостью, — достичь легко. Во имя правды, человѣчности, русскаго народнаго достоинства, ихъ слѣдуетъ оцѣнитъ и наравнѣ съ прочими подданными употребить на общее дѣло, вмѣсто безцѣльнаго, раздражающаго и просто непрактичнаго устраненія ихъ отъ онаго.

VII.

Способъ разрѣшенія польскаго вопроса въ Россіи.

Причинами неразрѣшенія до сихъ поръ возникшаго сто лѣтъ тому назадъ польскаго вопроса въ Россіи, согласно вышесказанному, надлежитъ признать и внѣшнія вліянія на польско-русскія отношенія и дѣйствія факторовъ, принимающихъ участье въ этихъ отношеніяхъ и примѣненіе до сихъ поръ несоотвѣтствующихъ средствъ къ урегулированію этого вопроса.

Исходя изъ сего основнаго положенія я позволю себѣ вывести и представить Вамъ, Милостивые Государи, свое заключеніе, какъ отвѣтъ на часто подымаемый Вами въ періодическихъ органахъ вопросъ, что же надлежитъ для удовлетворительнаго разрѣшенія этого польскаго вопроса въ Россіи?

Прежде всего необходимо, чтобы всѣ факторы польско-русскихъ отношеній остерегались поддаваться прежнимъ увлеченіямъ, которые приведли бы ихъ къ прежнимъ ошибкамъ. Надо избѣгать неумѣреннаго стремленія къ недостижимымъ идеаламъ въ ущербъ тому, что возможно и полезно. Во всѣхъ міровыхъ вопросахъ, какъ я уже говорилъ, почти всегда необходимо жертвовать тѣмъ, что желательно но недостижимо, тому, что достичь возможно.

Для поляковъ напр. (съ нихъ начинаю не потому, чтобы они занимали первое мѣсто, напротивъ, ихъ мѣсто второстепенное, не что бы не казалось, что я ихъ хочу отстранить отъ тяготѣющихъ на нихъ обязанностей) представлялось весьма желательнымъ идеаломъ возстановленіе того могущества и той славы, которыми они пользовались 300 лѣтъ тому назадъ при Ягеллонахъ. Но такой идеалъ, недостижимъ не только по недостатку силъ у польскаго народа для его осуществленія, но также и потому, что значительныя по численности племена, этнографически не польскія, населяющія провинціи бывшей Рѣчи Посполитой, доходя по мѣрѣ умственнаго развитія до самосознанія и не чувствуя надъ собою, въ теченіе ста лѣтъ, прежняго могущества Польскаго государства, начинаютъ проникаться своими національными интересами и создавать собственные свои, а не польскіе идеалы. Какой однако будетъ конецъ этой исторической драмы, приготовлявшейся почти два вѣка и уже цѣлый вѣкъ разыгрывающейся на политической аренѣ? Пріобрѣтутъ ли поляки съ возсоединеніемъ всѣхъ славянскитъ племенъ подъ скипетромъ русскихъ Царей, наравнѣ съ другими славянами, удовлетвореніе своихъ національныхъ потребностей, или же, благодаря какому нибудь неожиданному политическому перевороту, они пріобрѣтутъ вновь политическую независимость въ предѣлахъ края, населеннаго 15 милліоннымъ этнографически польскимъ народомъ? Очевидно на такихъ гадательныхъ предположеніяхъ нѣтъ возможности, ни основывать какія бы то ни было разсчеты, ни рисковать судьбой пятнадцатимилліоннаго народа. Поэтому полякамъ надлежитъ отказаться отъ всякихъ, какихъ бы то ни было, политическихъ заманчивыхъ мечтаній и комбинацій и взамѣнъ этого стремиться лишь къ улучшенію своей участи въ тѣхъ государствахъ, къ коимъ они присоединены, становясь вѣрными подданными Престола и полезными членами общества, въ коемъ имъ суждено жить, сохраняя однакожъ свою національность. Подобное убѣжденіе — я считаю моимъ долгомъ заявить это категори-

чески — раздѣляется въ настоящее время, послѣ столѣтнихъ страданій и разочарованій въ обѣщаніяхъ другихъ государствъ, значительною частью польской интеллигенціи, но оно раздѣлилось бы всѣми полякамн живущими въ Россіи, если бы только положеніе поляковъ въ Россіи стало какъ нибудь сноснымъ.

Для сего однако необходимо, чтобы и русское общественное мнѣніе точно также отказалось отъ своихъ недостижимыхъ стремленій. Многіе русскіе напримѣръ, ошибочно думаютъ, что всѣ обычаи и учрежденія, исторически выработанныя въ русскомъ народѣ, представляютъ изъ себя верхъ совершенства. Такое убѣжденіе есть, конечно, результатъ ихъ любви къ своему отечеству, привязанности ко всему родному, но тѣмъ не менѣе именно отсюда и проистекаетъ ихъ стремленіе уничтожать въ провинціяхъ, введенныхъ въ составъ Имперіи, не населенныхъ великороссами, все то, что невеликорусское. Русское общественное мнѣніе, повидимому, желаетъ, чтобы все стодвадцатипятимилліонное населеніе Имперіи сдѣлалось чисто русскимъ, или лучше сказать, великорусскимъ. Всѣ усилія дѣлаемыя для достиженія этой цѣли вызываютъ только потерю времени и напрасную трату силъ. Если бы даже иноплеменная и иновѣрческая часть населенія русскаго государства была незначительна, и обрусѣніе ея являлось неизбѣжнымъ результатомъ матеріальнаго интеллектуальнаго и количественнаго перевѣса господствующаго великорусскаго элемента, то всетаки для такой руссификаціи потребовалось бы много времени, нужно было бы нѣсколькихъ поколѣній. Но если перевѣсъ въ матеріальномъ отношеніи великорусскаго племени надъ другими, благодаря выработанной въ немъ дисциплинѣ и безъ завѣтной преданности своимъ Монархамъ, несомнѣнно громаденъ, то въ интеллектуальномъ отношеніи онъ начинаетъ развиваться только съ недавнихъ поръ путемъ просвѣщенія, двинувшагося въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ нѣсколько сильнѣе впередъ. А въ количественномъ отношеніи этотъ перевѣсъ не такъ уже великъ. Центральныя губерніи населяютъ сорокъ съ чѣмъ

то милліоновъ великоруссовъ; около десяти милліоновъ разсѣяно среди семидесяти милліоновъ другихъ племенъ, говорящихъ почти на сорока различныхъ нарѣчьяхъ. Цифри эти, несомнѣнно, значительны, но не настолько, чтобы основывать на нихъ мечтанія объ обрусѣніи различныхъ иноплеменныхъ и иновѣрческихъ народностей, составляющихъ большую половину всего народонаселенія Имперіи. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы задаваться недостижимымъ идеаломъ поглощенія всѣхъ подданныхъ Русскаго государства, русскіе должны довольствовать славою, которую доставляетъ господство надъ столькими народами, стараться, чтобы по отношенію ихъ Царей оправдались бы слова 116 псалма: «ХВАЛИТЕ ГОСПОДА ВСИ ЯЗЫЦИ, ПОХВАЛИТЕ ЕГО ВСИ ЛЮДІЕ!» а весь трудъ и всю энергію направлять на развитіе цивилизаціи и благосостоянія своего отечества.

По отношенію же поляковъ, мнѣ кажется, Русскіе сами не должны желать, чтобы поляки, находясь подъ ихъ властью, влачили бы только жалкое существованіе паріевъ. Повидимому и въ русскихъ интересахъ лучше привлечь этотъ сравнительно значительный и просвѣщенный элементъ совмѣстной работѣ надъ увеличеніемъ могущества и славы Россіи.

Обращаясь засимъ къ третьему, самому важному фактору польско-русскихъ отношеній т. е. къ русскому правительству, я осмѣлюсь прежде всего указать на то, что оно, т. е. русское правительство, не бываетъ, какъ въ государствахъ конституціонныхъ, представителемъ той или другой политической партіи, которая, захвативши въ свои руки власть, чаще всего на короткое время, стремится воспользоваться ею для партійныхъ цѣлей и выгодъ. Русское правительство является исполнителемъ ВЫСОЧАЙШЕЙ воли Монарховъ, Государи же, по буквальному смыслу ихъ, по истинѣ замѣчательно возвышенныхъ манифестовъ, желаютъ не только славы и могущества Россіи, но и счастія своихъ подданныхъ, а счастіе ихъ подданныхъ есть высшая слава Государей и залогъ ихъ могу-

щества. Поэтому Русское правительство несомнѣнно стремится къ выясненію того, что нужно для счастія подданныхъ своего Государя, и ходатайствуетъ передъ Нимъ о всемъ томъ, что можетъ удовлетворить нужды народа и наконецъ неуклонно и добросовѣстно выполняетъ ВЫСОЧАЙШУЮ волю.

Для удовлетворенія же нуждъ польскаго племени, живущаго въ Россіи, имѣя въ виду при этомъ славу и могущество Россіи, взамѣнъ средствъ, которыя по настоящее время не привели ни къ какому разрѣшенію польскаго вопроса, надлежитъ поступить несколько иначе. При этомъ очевидно не можетъ быть рѣчи ни объ установленіи въ Царствѣ польскомъ правительства, независимаго отъ центральныхъ властей Имперіи, ни о конституціи 1815 г., ни объ органическомъ статутѣ 1832 г., ни даже о правахъ и привиллегіяхъ 1861 и 1868 гг. Не можетъ быть точно также и рѣчи о присоединеніи къ Царству Польскому западныхъ губерній. Напротивъ взамѣнъ тѣхъ особыхъ исключительныхъ условій, въ которыя за все почти истекшее столѣтіе были поставлены въ Россійской Имперіи поляки и страна ими заселенная, необходимо, чтобы и поляки и ихъ страна были поставлены именно въ такія же общія условія, въ какихъ находятся всѣ остальные русскіе подданные, и чтобы полякамъ были предоставлены тѣже самыя права, какія предоставлены всѣмъ остальнымъ русскимъ подданнымъ.

Подобное предложеніе не представляетъ ничего новаго; оно составляло исходную точку русско-польскихъ отношеній послѣ раздѣловъ Польши. Въ самомъ дѣлѣ Императрица Екатерина II въ ВЫСОЧАЙШЕМЪ Манифестѣ 14 Декабря 1795 г.[1] отъ своего имени и отъ имени всѣхъ своихъ преемниковъ гарантировала всѣмъ полякамъ, перешедшимъ въ Ея подданство, полную равноправность съ остальными ея подданными. Послѣ изданія этого манифеста польско-русскія отношенія на-

[1] Полное собраніе законовъ Томъ XXIII, No. 17418.

чали развиваться нормально и, какъ мнѣ кажется, вполнѣ удовлетворяли и ту и другую сторону. Дальнѣйшій же процессъ развитія этихъ отношеній былъ нарушенъ войною 1806/7 г. и вслѣдъ затѣмъ отступленіемъ отъ политики Императрицы Екатерины II, которое послѣдовало въ 1815, 1832, 1861 и 1862 гг., когда будто бы для пользы поляковъ имъ были дарованы права, какими не пользовались другіе русскіе подданные. Такія привиллегіи полякамъ, понятно, возмущали русскихъ, а нераспространеніе ихъ на остальныхъ поляковъ и не корректное исполненіе дарованныхъ правъ, довели до возстаній. Послѣ 1863 г., въ угоду русскому общественному мнѣнію, которое было раздражено событіями 1863 г., послѣдовало другое отступленіе отъ плана, выработаннаго Императрицею Екатериною II, въ смыслѣ крайняго ограниченія всѣхъ правъ поляковъ, что ихъ опять доводитъ до понятнаго отчаянія. Пора возвратиться къ правильной системѣ, указанной сто лѣтъ назадъ. Отмѣна указанныхъ ограниченій, и сравненіе правъ поляковъ съ правами всѣхъ русскихъ подданныхъ дастъ имъ возможность матеріальнаго существованія, которой лишаютъ ихъ означенныя ограниченія, и кромѣ этого оно будетъ отвѣчать основному свойству польскаго характера — любви къ равенству. А высокій политическій разумъ этой одной изъ величайшихъ Правительницъ міра Царицъ Россіи и опыть 1795 —1807 годовъ можетъ служить ручательствомъ, что уравненіе поляковъ въ правахъ съ остальными подданными не принесетъ Россіи, ни вреда ни опасности, лишь пользу и славу.

Однимъ изъ естественныхъ послѣдствій уравненія поляковъ въ правахъ было бы введеніе въ западныхъ губерніяхъ и въ Царствѣ Польскомъ сословныхъ и автономическихъ учрежденій, то есть дворянскихъ собраній, земствъ и городоваго положенія. Функціонированіе такихъ учрежденій, предусмотрѣнное органическимъ статутомъ, Императоръ Николай Павловичъ считалъ «наиболѣе отвѣчающимъ истиннымъ пользамъ и положенію сего края, мѣстнымъ потребностямъ онаго и навы-

камъ жителей». Оно также отвѣчало бы другому качеству польскаго народа — потребности вліять на ходъ общественныхъ и мѣстныхъ дѣлъ. Личное столкновеніе съ трудностями въ дѣлѣ удовлетворенія общественнымъ нуждамъ служило бы наилучшимъ противовѣсомъ всѣмъ тѣмъ обвиненіямъ, какія могутъ дѣлать русскимъ поляки, а также развитію политическаго мечтательства. А такъ какъ, по положенію о земствахъ и по городовому положенію въ дѣятельности этихъ органовъ, принимаютъ участіе всѣ классы населенія, то нечего опасаться, чтобы этотъ столь подозрительный въ настоящее время польско-шляхетскій элементъ могъ бы оказывать какое нибудь вредное вліяніе. Впрочемъ дворянскія собранія, въ которыхъ этотъ элементъ былъ преобладающимъ, функціонировали уже въ западныхъ губерніяхъ до 1863 г., а въ Царствѣ Польскомъ въ тоже время были Опекунскіе совѣты благотворительныхъ учрежденій и комитеты для постройки и наблюденія надъ шоссейными дорогами, составленные исключительно изъ поляковъ, и я никогда не слышалъ, чтобы изъ среды ихъ вышла иниціатива какого либо опаснаго для блага и спокойствія государства дѣянія.

Но введеніе въ западныхъ губерніяхъ и въ Царствѣ Польскомъ такихъ учрежденій потребовало бы нѣкоторыхъ подготовительныхъ работъ и временныхъ распоряженій. Между тѣмъ самымъ главнымъ и безотлагательнымъ дѣломъ для окончательнаго и удовлетворительнаго разрѣшенія польскаго вопроса, есть равноправность всѣхъ поляковъ русскихъ подданныхъ съ остальными подданными. Для этого не требуется никакихъ приготовленій. Достаточно одного всемилостивѣйшаго слова, выраженія воли ГОСУДАРЯ.

Польское общественное мнѣніе не теряетъ надежды, что подобное разрѣшеніе польскаго вопроса въ Россіи, предоставляющее имъ матерьяльную и нравственную возможность существованія, и отвѣчающее чувствамъ справедливости и человѣческаго достоинства, раньше или позже неминуемо насту-

питъ. Надежды поляковъ въ этомъ отношеніи основаны на непоколебимой ихъ вѣрѣ въ ГОСУДАРЕЙ, которые, заботясь о всѣхъ своихъ многомилліонныхъ подданныхъ, имѣютъ въ виду и ихъ счастье и славу Россіи, а этимъ вѣрнымъ путемъ увеличивали собственную славу и дѣйствительное могущество Имперіи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ поляки знаютъ, что одна часть русскаго общественнаго мнѣнія, относилась и относится, къ сожалѣнію, и нынѣ враждебно къ польскому племени. Поляки не забыли и понынѣ подстрекательствъ покойнаго Каткова и его подражателей, имъ не безъизвѣстно раздраженіе противъ всего польскаго племени одной части русскаго общественнаго мнѣнія, вызванное подуськиваніями нѣкоторыхъ органовъ періодической печати. Это именно сознаніе, Милостивые Государи, и побудило меня обратиться къ Вамъ съ настоящимъ письмомъ и пригласить Васъ вступить наконецъ на единственно вѣрный путь указанный ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ I въ ВЫСОЧАЙШЕМЪ Манифестѣ отъ 6 Октября 1831 г.[1]: «Россіяне. Въ возвращенныхъ Россіи подданныхъ Нашихъ (полякахъ) вы также будете видѣть членовъ единаго съ вами великаго семейства. Не грозою мщенія, но примѣромъ вѣрности, великодушія и забвенія обидъ вы будете способствовать успѣху предначертанныхъ Нами мѣръ, тѣснѣйшему и твердому соединенію сего края (т. е. прежнихъ польскихъ провинцій) съ прочими областями Имперіи. Сей государственный союзъ, къ утѣшенію Нашему, ко славѣ Россіи да будетъ всегда охраняемъ и поддерживаемъ чувствомъ любви къ одному Монарху, однѣхъ нераздѣльныхъ потребностей и пользъ и общаго никакимъ раздоромъ не возмущаемаго счастья.»

---

[1] Полн. собр. зак. Т. VI, No. 4850.

Въ типографіи Ф. А. Брокгауза въ

АКАДЕМІЯ